

25646
с. 50

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Николай СМИРНОВ

**БЫЛО
НА САМОТЛОРЕ**

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

66.3(2)C

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Николай СМИРНОВ

**БЫЛО
НА САМОТЛОРЕ**

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

В.С. НИЗАНЕВАНТОВ

0983251060

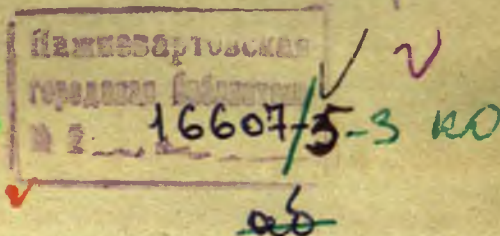
32С5
С50

«Было на Самотлоре» — это живой, взволнованный рассказ участника освоения знаменитого нефтяного месторождения. Автор, молодой тюменский очеркист, работал в бригаде Героя Социалистического Труда бурового мастера Григория Кузьмича Петрова из Нижневартовска. На примере своих товарищей по труду он показывает, как вместе с освоением недр совершенствуются люди, учатся работать по-новому.

2С5

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

БОНДАРЕВ Ю. В., БЕНЕНСОН А. Н., БЛИНОВ А. Д.,
ВИКУЛОВ С. В., ИВАНОВ А. С., КРАМИНОВ Д. Ф.,
ЛОПАТИНА Е. К., МЕДНИКОВ А. М., ПОВОЛЯЕВ В. Д.,
РОСЛЯКОВ В. П., СЕРГОВАНЦЕВ Н. М.,
ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д.,
ШУРТАКОВ С. И.

С 4702010200—085 66—82
М-105(03)82

© Издательство «Советская Россия», 1982 г.

НЕНАПИСАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Семь лет назад мне, молодому тюменскому очеркисту, понадобилось интервью с главным геологом Главтюменьнефтегаза, лауреатом Ленинской премии Юрием Борисовичем Фанном, и знойным днем июля, поднявшись на полутемные этажи симпатичного зеленоватого здания, что по улице Ленина, я прошел по выстланному деревянным паркетом коридору к двери с табличкой «Главный геолог».

Меня обходительно принял седоватый мужчина с тихим голосом и большими, внимательными глазами на моложавом лице. Выслушав просьбу, он посмотрел с заметным сожалением, показавшимся странноватым в такой ситуации: не спеша прижег «Опал» и лишь потом заговорил — с той же неторопливой проникновенной интонацией.

Он говорил о стужах Среднего Приобья, когда деревья становятся каменно-металлическими, а металл деревянно-ломким; о яростных ледоломах на Оби; о людях, находящихся неделями наедине лишь с природой и скважинами. И мне вдруг захотелось испытать все это самому. Я загорелся желанием пожить и даже поработать на Самотлоре среди тех, о ком собирался узнать.

Фанн одобрительно прикашлянул, заулыбался:

— Совсем другой коленкор, правильно сориентировался.

Позвонил начальнику бурового управления № 2 Исянгулову, и дело сладилось. Вышел я после этого, наверное, с видом человека счастливого, безмерно благодарного судьбе за встречу с умным человеком. Позд-

нее повидал многих первопокорителей, но то свидание с главным геологом Фаиным для меня самое памятное.

Время на Самотлоре плотное, стремительное, каждый день полон событий. Жаль, если что-то неповторимое канет. Вместе взятые, они, эти события, целый боевой этап.

А интервью так и осталось ненаписанным.

ПЕРВЫЙ МОНТАЖ

Мне повезло: я попал в бригаду Петрова, отличившегося еще на Шаймском, первом в Западной Сибири промышленном нефтяном месторождении. Много о нем был наслышан. Как, впрочем, и о самом Самотлоре, потребовавшем город — не меньше, аэропорт, железную магистраль из Тюмени, еще многое, чего прежде не было.

Наслышан был о трудностях и героизме нижевартовцев. Предстояло удостовериться, что он такое, Самотлор, на самом деле, во всей конкретной реальности.

И очень хорошо, что взяли слесарем по монтажу противовыбросовых установок — превенторов; в производственной глубинке увижу больше, без прикрас и иллюзий.

На первый монтаж отправлялся будто в штормящее море: все неизвестно и опасно, а ты неподготовленный штурман. Правда, у меня был некоторый опыт строительства упомянутой магистрали Тюмень — Сургут — Нижневартовск. Тут же припоминал схожие волнения и робость на «железке»: всякое новое требует «акклиматизации». Разберусь, освою, было бы к тому желание — в конце концов не боги горшки обжигают.

Петров меня едва удостоил взглядом, да и остальных превенторщиков мало касался, занятый своими мастер-

скими хлопотами. Нас опекал механик Веревкин, ответственный за оборудование на буровой. Одет он был в кожаную тужурку и такую же кожаную фуражку. Они смотрелись на механике знаками его командирского отличия, даже в июльскую жару не расставался с ними.

Под буйными цыганисто-черными бровями Веревкина — смышленные, зоркие глаза. Ничего не упустят.

В бригаде Веревкин много лет, еще со времен Шаима, и держался подобающе стажу — важно, чинно.

Показал мне сам превентор: ядовито-красного цвета коробку, смахивающую на старческую лукавую физиономию (словно подмигнула: не дрейфь, парень!), растолковал, что превентор нужен на случай газонефтяного выброса. Если вдруг загуляет стихия, устремится из скважины, смыкают плашки внутри превентора — перекрывают путь. Отсюда и превентивный — предупреждающий. А мы — превенторщики. Недра многопластовые, в них мощные газовые скопления — «шапки», чуть прозевал — и беда. Соответственные к превенторам и требования, после монтажа их принимает инспектор, до этого не разрешает бурить, хоть сутки бездействуй буровая. Есть специальная контрольная служба.

К коробке полагаются трубы, пульты управления, как туловищу руки и ноги, органы осязания.

— Штука нехитрая, — повернул Веревкин, — бери больше, кидай дальше.

— Шея в мыле, сам в растворе, зато на Самотлоре, — подхватил склонившийся у лебедки бурильщик Михаил Шаталин, и в его по-кошачьи сузившихся глазах заиграли лукавинки: новичка всегда стараются поддеть. Я не остался в долгу: «Ну да, по шпалам с котелком тысячу километров до Нижневартовска пешком, где шагом, где бегом, а где и кувырком». Рассказал, как кладут рельсы, поднимают на глубинах мосты — все,

из чего складывается понятие «железная дорога». Показал свою осведомленность.

Повода для подначек больше не находилось.

От механиковой лекции остался легкий ералаш в голове: куда чего крепить, присоединять. Придется постигать в действии, учебных курсов для превенторщиков нет. Работка, судя по всему, предстоит жаркая. Но краном нас не обеспечили, пока что АЗИНмаш в бригаде собрата Петрова по профессии — Героя Социалистического Труда Левина из соседнего управления № 1 (УБР-1).

Воспользовавшись вынужденной паузой, мы всем звеном поднялись на верх буровой, на огражденную перильцами площадку. У подножия ее озеро, давшее имя месторождению. Вода в нем землистая, клейкая.

В переводе с хантынского Самотлор означает Мертвое озеро, или еще Сердце озер. Не потому ли Сердце, что вокруг главного озера мелеют, медленно затягиваются мшагой маленькие озерца-блюдца, как дети от родителя отпочковавшиеся. Это понятно. Но почему — мертвое? До прихода буровиков рыбаки круглый год на нем промыслили.

Буровая Левина прямо на озере. К ней отсыпана песчаная дамба — въезд и площадка для самой буровой.

Вокруг бесстрастно полыхали газовые факелы на разбуренных кустах скважин, буровые по залесьям вздымались пиками. Местность — всхолмления-гривы, издали напоминающие прохудившиеся, шерстью наружу овчины. Прорехи убого прикрыты зеленоватыми и бурыми латками болотин с редкими деревьями. На холмах-гривах древостой плотней, полнокровней: спасается по взгоркам от излишней сырости.

От Тюмени Самотлор северо-восточнее, в среднем

течении Оби. Открыт в шестидесятых годах геофизиками-сейсмиками Леонида Кабаева, ныне лауреата Ленинской премии, а первые промысловые скважины пробурены Геннадием Михайловичем Левиным и его земляком-волжанином, безвременно погибшим Степаном Повхом. Из Урая на подмогу куйбышевцам переместилось УБР-2, и доселе безгласная округа ожила, загрохотала, замелькало интригующее слово в газетах, журналах, зазвучало по радио и с телеэкранов, трибун, в правительственных кабинетах, примагнитив к себе многих. Я один из таких примагниченных.

Напарников по звену у меня трое. Федя Саблин — небольшого роста, во всем обстоятельный, серьезный, рабочей закваски паренек, он из Салавата, что в Башкирии; звеньевой Руслан Хажбигаров — ингуш, уроженец Алханчурской долины на Северном Кавказе по-кавказски порывист, горяч; Альберт Крайнев, судя по его бушлату и клешам, недавно с флота, как и я, новичок, недель лишь опередил.

Скучающе обозрев с верхотурья довольно однообразную панораму кочкастых мшаг и хилых тундровых сосенок, бывший матрос обронил:

— Есть же где-то красивая жизнь. Эх, море, море, волна под облака!..

Я смолчал, не зная, какая ждет жизнь, с какой крутизной, уверенный только в одном: предстоит повкалывать, как говорили в стройпоезде. Плохо, когда не знаешь всего в своем деле, но и хорошо, когда многое предстоит узнать.

По лестничкам, каждая из которых оканчивалась небольшим скруглением — площадкой и напоминала мостик вперёдсмотрящего, какие на кораблях, спустились на пол. Тут упрятанный в глухой кожух редуктор, компрессор воздуха и лебедка с тормозом — сердцевина

буровой. От барабана лебедки устремились вверх, к тальблоку, витые жилы тросов. Бурильщик Шаталин спросил басовито:

— Как небеса?

— В порядке. На болотах тоже, кажется, без перемен,— отшутился звеньеовой Руслан.

— Стоило тогда время на подъемы-спуски тратить,— не унимался Михаил. Но мы по длинной маршевой лестнице уже считали ступеньки к земле, не включаясь в пикировку. До нее ли! Донимала пекуче-горячая жара. Механик, в кожанке обливаясь потом, надрывался у рации в культбудке-вагончике: «Диспетчер! Диспетчер! Ты оглох, что ли?»,— пока из тресков и шумов не донеслось:

— Диспетчер слушает. Это ты, Веревкин? Сказано, кран у Левина.

— Сколько можно вольтить? — возвысил интонации механик.— Вроде не пасынки...

— Не изволь беспокоиться: отправляю АЗИНмаш,— известил чей-то энергичный баритон с соседнего куста.

(На Самотлоре бурение наклонно-направленное, с «пяточка» дырявят по семь-восемь скважин, а то и все двенадцать. Такое их средоточие именуется кустом. Точнее не скажешь. Не стебелек, не веточка-одиночка, а куст.)

— Вот удружил, Геннадий Михайлович,— вмиг подобрел, смягчился Веревкин,— а то ведь портянки сушим. В такую-то благодать!

Многозначительно подмигнул:

— Слыхали, с Героем Труда толковал. Левин — он не шошка-ерошка, даст восемьдесят тысяч, не сомневайтесь...

Веревкин имел в виду сокобязательства Геннадия Михайловича, вызвавшего на соревнование нашего Пет-

рова. Петров вызов принял. Будто бы когда встал об этом вопрос, начальник управления Исянгулов вызвал к себе нашего мастера.

— Возьмешься?

— Попробую, — без колебания согласился тот.

И теперь только и пересудов о том, чья возьмет. Григорий Кузьмич тоже не лыком шит. В Урае, на прежнем месторождении — Шаимском, ему не хватало опыта, теперь его предостаточно, на равных с пионером Самотлора соперничает. Мужик — сила...

Вот и Вережкин этим восторгается. А уж он-то знает бригадира.

Спасаясь от жары, мы уединились в тени культбудки, где все так же разнобойно трещала, перекрикивалась на разные лады рация — серый ящик на столе. Вот чинно, важно проследовал мимо Вережкин. Широко расставленные под смоляными цыганскими бровями глаза нацелены на буровую, где вахта Шаталина — трое крепких жилистых помбуров — уверенно справлялась с железками, готовилась к забуриванию.

Михаил — крупный, громоздкий. Лицо у него красноватого цвета, кожа блестит. Может быть, это от жары и горячей работы? Словно раздражаясь от человеческого упорства, утробно-глухо, натужно взрывал компрессор. Буровая раскалилась от солнца, редкого в нынешнее ненастное лето. Казалось, солнце, пользуясь безоблачностью, наверстывало упущенное — палило всю.

— Искупаемся, — кивнул звеньевой Руслан, парень с чеканным профилем, в сторону озера-блюдца, что виднелось неподалеку — метрах в ста.

У механика чуткое ухо, он тут как тут.

— А если кран пришкандыбает?

— Крикнешь, — Хажбигаров держится подчеркнуто

независимо с Веревкиным. У него институтское образование, и он дает это понять механику-практику. У Феди Саблина техникум за плечами. А матрос отмалчивается, замкнутый.

По мшаге клюквенные и брусничные россыпи уже начали буреть, поспевают. Как удержаться от соблазна, не попробовать ягоды! Миновали нежно-зеленые, ровные овчинки трясины. Под таким травяным слоем глина немалая, угоди в нее — будет плохо. Я старался не отстать от ребят.

Озеро лежало в моховой чаше. Темное, но, странно, насквозь просматривалось. У чаши — ручка: непроточная глухая канавка, через нее кем-то брошена доска. На другой стороне канавки след костра, пустые консервные банки, удилища без лесок — рыбацкое становье.

Здесь мшага круто обрывалась в воду. Матрос, сбросив бушлат и клеши, взошел на доску и, спружинив, без плеска скользнул в глубину. Среди тонких прямых водорослей, мускулистый, подбористый, он смотрелся бело-матовой рыбиной в огромном аквариуме. Кость у него крупная, крепкая, мускулы четки и рельефны, а объемистая грудь выдавала хорошо поставленное дыхание. Хоть скульптуру мужской красоты и грации лепи с парня.

Вынырнув, он перевернулся и замер расслабленно — от травяных соков плотная, бархатистая вода легко держала. В небесной лазури тишком брели облачка — запоздалые дворники в снежно-белых фартуках; чайка вознамерилась было туда и упала, поняв, что обманута видением моря. Не удивительно, что голубизна с аквариумом — глубинная, просквозная, — напомнила Альберту шепоток волн и корабли, по которым, видать, тоскует...

Собравшись последовать его примеру, прямо с мшаги

сигануть в озерцо, как донесся машинный рокоток: кран пришел! Напрямую — трясина не трясина — припустили к буровой, со стороны напоминающей сильно увеличенную букву «А». Лесенки с площадками-скруглениями вдоль сорокаметрового каркасно-трубчатого сооружения в пустоте света и воздуха смахивали на полурастянутую гармонику.

Отправив кран, Левин и сам по какой-то надобности завернул к нам на куст. Я вблизи смог рассмотреть его. Подобно Петрову, Геннадий Михайлович невысок, плотен. Но его полнота иного рода, утонченнее, что ли. И весь он тоньше, интеллигентней. Крупноглаз, сильно выпуклые глаза на чуть припухлом лице, кажется, вобрали весь мир без остатка, глубокие, с затемью донной. В остальном очень обыденный, неприметный, в «реглане» на «молнии».

Что удивило, так это возраст: меньше сорока ему, а уже такая знаменитость! Даже для Тюменщины, приехавшей к Героям и славе. До передислокации шаймцев непревзойденным был по проходке. А здесь сразу завязалось трудовое соперничество двух лучших мастеров.

И вот встретились они, присели в культбудке на трехногие круглые стульчики и разговорились о том о сем. Помнят еще деревянные послевоенные вышки, их перетаскивали лошадьми, движение бурового раствора определяли по-дедовски, приложив ухо к шлангу. От этого щеки постоянно пачкались. И люди неделями находились вне дома, на сухом пайке — столовые на буровых казались тогда непозволительной роскошью.

Мастера проявляли исключительную строгость, запрещали принимать вахту до тех пор, пока ключи по смене не сдадут. Но ушли на пенсию первые наставни-

ки, оставив груз забот и возрастающих планов. Раньше в месяц он составлял 700—800 метров, а теперь за недели тысячные проходки. Однако и такие проходки уже не эталон, замехиваются на большее.

Левин к тому времени отстал от Григория Кузьмича тысяч что-то на тридцать, замешкался из-за аварии: связка труб с буринструментом улетела в скважину. Ее тщательно пытались выловить.

Петров знает про аварию и отставание, но молчит, чтобы не ранить коллегу неосторожным словом. Впрочем, Геннадий Михайлович не из слабохарактерных. Уверен в себе и бригаде — наверстает.

Такой напрашивался вывод.

Петров в пору зрелости только входит, ему непременно подавай рекорд. В азарте восхождения Григорий Кузьмич. Много в нем силушки подспудной, корневой. Вот поднялся с пошатнувшегося стульчика, и сразу стало видно, как могуч, напорист. Сановитым лбом словно невидимую преграду прошибает, навстречу сильному ветру продвигаясь.

Левин предельно спокойный, сдержанный, по-солдатски подтянутый. Решительностью тоже не обделен. В Куйбышевской области, на родине, когда его дружину хотели расформировать за ненадобность, — там неразбуренными остались только островки месторождений, — вместе с бригадой махнул в Западную Сибирь. Вот где желания совпали с возможностями! Вот где развернулись! За Самотлор вскоре получил звание Героя. Западносибирская нефть многих укрупнила, продолжала укрупнять, выводить на тропу известности. Левина и Петрова особенно, потому что ведущие в деле. Поистине богатыри!

Кран теперь был, но звеньевой непонятно медлил, и Веревкин едва удерживался от крепких выражений, грозил лишить премии. Когда терпение механика вконец истощилось, Хажбигаров вдруг воспрянул. Споро отдавал команды, сновал как челнок, присоединяя гидравлику, приваривая стойки под линии-выкиды, по которым в случае выброса отводят в сторону газ. Делал все как бы походя, между прочим, но получалось сразу.

Громоздкие трубы с батареями всяких задвижек, отсекателей приобретали компактность, стрельчатость, даже изящество по мере того, как сочленились с трубами помельче, пультами управления, пускали всюду шупальца и до удивления напоминали изготовившегося к прыжку кузнечика. Уже крылышки поднял — это аварийный, на случай выброса, выкид взметнулся, верша ансамбль, придавая ему законченность.

Хажбигаров опробовал пульты, был сосредоточен. Он мыслил, творил на ходу, сам выполнял собственные решения, не дожидаясь, пока это сделаем мы. Для него монтаж, видимо, больше, чем просто работа — творчество, поэтому и примеривался, приглядывался вначале. Его азарт передавался нам, с кувалдой и ключами летали, подгоняя фланец к фланцу. Веревкин, видя это, уже не грозил лишить премии, а довольный, подхваливал, но мы и без того старались.

Укрепили на торчащем из земли обрубке трубы — колонной головке — замкнуто прямоугольную коробку с серьгами для ручных приводов и над ней превентор универсальный гидравлический — пузатый, как бочонок, как купчина какой-нибудь. К нему протянули масляные трубки. Поворот рычажка на пульте — и гидравлика сомкнет плашки. «Ручной» превентор — над ним, смотрит на мир лукавой физиономией, значительно проигрывая в комплекции своему гидравлическому собрату.

Ночью туман затянул пространство, лишил видимости, нагнав прохлады. Казалось, электрические огни зябли во всепроникающей промозглости болота, были сиротливы, тусклы. Нам стала очевидна предусмотрительность Веревкина по части экипировки: в кожаном ему сырость не страшна.

Хотелось прикорнуть хоть на минутку, забыться в благодном сне. Тиканье ходиков в уюте квартиры и постель казались величайшим достоянием. Лишь в полночь ненадолго отлучились перекурить в культбудку.

В культбудке матрос прилег на голую панцирную сетку и мгновенно заснул. Веревкин растолкал бесцеремонно: «Дрыхнешь! А кто гайки станет крутить? Обеспечу докладную начальнику». Матрос не выказал, однако, рвения, вызвав в конце концов недовольство и Хажбигарова. Звеньевой морщился, морщился и заявил недвусмысленно:

— Ты думаешь работать или нет?

В ответ услышал:

— Не думаю. Временный я здесь. Уже документы послал в Ждановскую мореходку, мечтаю о заграничаваниях.

— Это твое дело, посылай и поступай хоть в академию к богу Нептуну, но здесь будь добр шевелиться.

Попробовал я вразумить Альберта, понимая, что сгущаются тучи и вот-вот сверкнет молния. Накатает механик докладную, будут неприятности, а временно это еще как сказать, это как в притче про мать и дочь, не запасшихся на зиму хлебом и дровами — из тех соображений, что мать умрет, а дочь выйдет замуж. Но мать не умерла, а дочери не сыскалось жениха. Зима тут как тут. Так и с мореходкой может статься. Всякая работа интересна, если ею увлечься. Интересной ее мы сами делаем. Можно и в заграничаваниях изнывать от скуки,

можно и на Самотлоре превенторщиком забыть обо всем на свете. Неважно, где и кем работать, важно — как! Горишь или тлеешь?

Подобные разговоры частенько велись на трассе, где по преимуществу трудилась молодежь. Вот и вспомнил.

Матрос только усмехнулся да щелкнул крышкой портсигара: «Поживем — увидим». И это его непробиваемое упрямство возмущало больше всего. Но что-то удерживало меня от категоричных заключений. По опыту я знал: рубить в таком деле с маху — только дрова ломать.

Не по-летнему студеная ночь... К утру туман малопомалу рассосался, оставив на стене культбудки темный влажный след. По склону сосновой гривки он сползал плотной белой пеленой, сворачиваясь в толстый ватный свиток. Раннее негреющее солнце стреляло сквозь зелень хвой и казалось тоже зеленым.

Неподалеку, за гривкой, с яростным гулом сгорал на факеле попутный нефтяной газ. Сине-багровое косматое пламя металось на сопле-стояке, истекало неудержимо, завиваясь в невообразимые вихри, пласталось на сторону. От его опаляющего дыхания дымилась мшага, посохли деревья.

Драматическое зрелище! Гибнет ценное природное сырье. Факелы полыхают в Шаиме, у Сургута и Нижневартовска. Не подготовились вовремя к встрече голубого джинна. Сейчас перерабатывающий завод заложили, целый газовый комплекс предполагается.

При желании успею приложить руки на строительстве, хочется участвовать во всем, что значительней всего. Успесть бы! Да не успеть, столько значительного, что дух захватывает, глаза разбегаются: трубопроводы, ГРЭС, новые города...

Кончив монтаж, мы присели на трапике у пульта,

разговорились, и я узнал, что большинство людей в бригаде из Башкирии, вплоть до начальника. Исянгулов основал в Урае контору бурения, позднее реорганизованную в управление (наше УБР-2). К нему потянулись друзья, родственники, просто знакомые.

Разные мотивы приводят сюда.

Звеньевой Руслан после Грозненского нефтяного института подался от родительской опеки подальше. То, что рабочие с высшим образованием, не в диковинку по Северу, а со среднетехническим и вовсе сплошь да рядом. Многие считают себя здесь временными, не гонятся за чинами, тем более что заработок у рабочих зачастую выше, и никаких тебе планерок, совещаний. Свои часы отработал — свободен.

Хажбигаров в отличие от большинства считает себя постоянным и справедливо хочет полного приложения знаний, нет-нет проскользнет у него обида:

— Обещали ведь перевести в механики, и ни звука.

Федя Саблин здесь четвертый год, можно сказать, ветеран. Авторитет даже для Руслана. Малорослый, щуплый, он выглядел бодрей нас, утомленных монтажом. Все с прибаутками, с посвистыванием — не берет усталость. Федя стал нашим негласным предводителем.

На трапике у пульта Саблин упомянул о море, с явным намерением вызвать на откровенность Альберта. Тот в это время, достав из кармана бушлата портсигар, щелкнул металлической крышкой. На внутренней ее стороне подвитая кокетливая дама острым ноготком сбивала пепел с сигареты. Казалось, это ее занятие занимало Альберта больше всего, только когда Федя упомянул про море, встрепенулся:

— Я три года отрубачил в Петропавловске-Камчатском на флоте. А еще до службы ходил рулевым-мотористом по Оби.

— Ого! — слегка деланно удивился Федя. — Повидал кой-чего... Так плавал бы себе...

— Ситуация... По пути в Ждановскую мореходку завернул к родителям, да так и застрял у них. Отца знаете, электрик Крайнев.

— Виктор Васильевич! Как же! — уже искренне сказал Федя. — Добросовестный... Понимаешь, нельзя здесь шалай-валяй, не примем мы тебя такого. Лучше дуй в мореходку. По компасу, на всех парусах...

— Сами с усами, — Альберт сделал отсутствующий вид, давая понять, что не намерен вдаваться в обсуждения. Было у него что-то такое, тщательно оберегаемое от посторонних, что удерживало на нелюбимой работе, в нелюбимом месте.

Федя догадливый.

— Ну... не будем опережать события, — смягчился. — Я тоже не сразу определился. В Салавате на заводе было ничего, да годы молодые, поманило в края, где воздух свежий.

— И надбавки к зарплате, — подковырнул Хажбигаров.

— И надбавки, — охотно согласился Федя. — За честный труд не стыдно.

В отличие от «дороги» в бурение по комсомольским путевкам не набирают. В бурении мало одного энтузиазма, нужны специалисты: инженеры, бурильщики, геологи. Чаще они являются сами, и весьма охотно. Шаталин, так тот в свое время оставил должность старшего инженера треста, на Самотлоре начав помбуром.

...Подошел Веревкин.

— Все досмотрели? Инспектор — воробей стреляный, живо вкатит предписание.

— Марафет полный, — для убедительности прищелкнул языком Хажбигаров.

А тут и инспектор легок на помине, обходительный, выбравшись из кабины агрегата, что при опрессовке превентора закачивает воду, со всеми по ручке: «Здравствуйте». Проверка системы на герметичность началась. Доселе неподвижные стрелки манометров на линиях-выкидах вздрогнули, насторожились и, враз сорвавшись со старта, зашпешили по белому полю приборов. Пристопорились на девяноста атмосферах — что и требовалось! Инспектор глянул на манометры, поизучал пульты и в сопровождении Веревкина отправился в культбудку составить акт монтажа. Исполнили формальность.

— Домой,— помаячил нам из оконца механик.

Не мешкая, уместились в кузове агрегата, между кабиной и баком для воды. Навстречу и вдогон опрессовочному мчались «Татры», «Ураганы», «МАЗы», «Уралы», тракторы «Беларусь», каротажные машины геофизиков с будками молочного цвета, автобусы и автобусики разных марок. Чего только не было на самотлорской дороге! Вся могучая техника страны!

По обеим сторонам бетонки газовые факелы пышными диковинными цветами на толстых, трубчатых стеблях вздымали столбы белесых испарений с разжижившегося торфяника. Трубопроводы внутрипромысловые искрестили болото.

И над всем этим простор. Простор и объемность пространства. Повисающие к земле и пронизанные солнцем облака казались золотистыми, с небес нисходящими нимбами.

Надолго запомнился мне первый монтаж.

Подобно многим, считая себя временным, не подозревал, что Север привяжет надолго. Всякая иная жизнь покажется пресной, слишком благополучной,

СВАДЬБА

Все лето торочили занудливые дожди. Грязь и вода. Неделями мы не сбрасывали сапог-болотников. В общестии, где я поселился, протекала крыша, и комендант тшечно призывал строителей-бракоделов залатать бреши мастикой. Мрачно в комнате, мрачно на улице, негде после работы обсушиться, обогреться.

Неожиданно небо расчистилось, приподнялось над раскишей землицей. Грязь затвердела и гулко отдавала под каблуками.

В эту пору у Крайневых играли свадьбу. Избранницей Альберта стала кочегар с буровой Лида Шеломенцева. Она-то и задержала старшего матроса вопреки изначальным планам о мореходке.

Чувство оказалось сильнее. И виделись-то однажды, во время краткой флотской побывки, не переписывались, а вот запала в душу пухленькая девушка с зелеными, как утренний сосняк, глазами.

После регистрации они, по установившейся в Нижневартовске традиции, поехали на Самотлор. У скважины-первооткрывательницы № 200, с которой в 1969 году началось промышленное освоение месторождения, под рев и сипение придорожного факела мы поздравили молодых и откупорили бутылку с шампанским. Дома у подъезда ждали родители с хлебом-солью.

Тамаде Шаталину повязали через плечо яркое вышитое полотенце, и он принялся обходить гостей с подносом. Каждый брал рюмку и произносил тост — желал самого заветного, преподносил подарок или «откупался» деньгами, клал их на поднос. Феде Саблину вручили баян. Он прислонился щекой к крышке, как заправский деревенский гармонист, и развел мехи.

В миг комната наполнилась топотом, движением.

Первой устремилась в пляс лаборантка Виктория. Во-
всю била чечетку.

Хажбигаров приспособил под тот же мотив лезгинку:
на носочках, то сводя руки на груди, то раскидывая их,
такие выделял виражи, что не поймешь, искусство
или избыток темперамента. Приустав, удалился в смеж-
ную комнату, где лаборантка-плясунья уже усердно вы-
водила:

Как поздней осенью порою
Бывает день, бывает час,
Когда по-о-о-веет вдруг весною-ю...

Руслан, подсев к ней, ударился в рассуждения:

— Музыка будит во мне картины удивительные, не-
обыкновенные. Вид на горы... Горы обрываются в море
бухточкой, у которой прилепилась таверна из просмо-
ленных корабельных брусев. Доносится гул прибоя,
стук пивных кружек о дубовые столы, рыбацьи охрип-
шие голоса.

Он шпарит, не отрывая жгучих темных глаз от ла-
борантки. Виктория раскраснелась после пляски, ее рос-
кошные локоны упали на спину. Девушка хоть куда.

Сблизились они в кружке английского языка, кото-
рый Хажбигаров взялся вести для молодых специали-
стов (мечтал о карьере журналиста-международника и
в институте иностранный штудировал не для зачета).
Виктория отнеслась к занятиям с прохладцей, и однаж-
ды Руслан при всех отчитал ее, в довершение поставил
единицу. С тех пор, как ни странно, проявил интерес
к беспечной курсистке, вслух сравнивал ее локоны с
горным потоком, а саму Викторию — с поспевшим хлеб-
ным колосом. Наделенный воображением, Хажбигаров
умел сравнивать. Чего доброго, жди вторую бригадную
помолвку.

И вот теперь Руслан подтягивал Виктории: «Мы там, где ребята толковые. Мы там, где плакаты: «Вперед!» Трудно устоять лаборантке против такого напора.

Воспользовавшись моментом, молодожены выскользнули на улицу.

— Судьба моя,— обнял Лиду Альберт.— А я почему-то за столом детство вспомнил: поселок Бавлы в Татarii, речку Ик, море. Я еще вернусь на «воду», Лидушка.

— Самотлор уже тем хорош, что не разлучит.

— А плавать можно вместе. Поваром, а? — нашелся Альберт.

— А дети появятся, тогда как?

— Видно будет... И вообще хватит об этом, заладили: вода, Самотлор. Времени другого не нашли.

— Целая жизнь впереди,— весело рассмеялась Лида.

По улице Пионерской, где ступенчато, веером поднялись новые дома, лампы лили неоновый свет. Какая-то хозяйка честила подгулявшего супруга:

— Чтоб тебе сладкая жизнь, чтоб тебе, непутевому, машина с сахаром шею переехала!

Всяк сплетет, да не как затейник. Они рассмеялись одновременно и вдруг ощутили необыкновенную нежность ко всему, что окружало: домам, людям, небесным эффектам.

Усиленный динамиком, голос диспетчера на автостанции объявил:

— На куст 328, бригада Петрова, автобус 13—15.

— На куст 329, бригада Левина, автобус 16—40.

Город бодрствовал. Уходили на буровые и возвращались с пересмены вахтовые автобусы, повисали самолетные гулы, и зарево Самотлора тревожило ночное

небо. Была в этом своя, нижевартовская, атмосфера, свой особенный настрой.

На свадьбе я подсел к главному механику управления Самаркину, молоджавому брюнету в ладно пригнанном шерстяном костюме, контрастно оттенявшем рубашку. Очки в пол-лица и галстук с крупным узлом делали его похожим на сельского учителя. Добрым, доверительным веяло от его взгляда.

Ничего, что торжество, заспорили о производстве. Самаркина больше всего волновало оборудование, зачастую старое, износившееся и потому особенно чувствительное в эксплуатации.

— Забота о «железе» — вот панацея! С голыми руками, на одном энтузиазме повоюй-ка. — Сдернул с переносья очки, в горячности махал ими возле лица. Длинные жесткие волосы рассыпались. Он их заметнул назад, пригладил, но какой-то вихор на макушке упрямо топорщился, добавляя в облик неуловимо мальчишеское. — «Железо» — хлеб наш насущный, надежда и слава!

Темнел, суровел взглядом, и уже видно было, что ему за тридцать, морщинки возле рта. Лишь энтузиазм неизменный живет в нем постоянно, повседневно, изобличая специалиста непреклонного, рачительного. Не удивительно, что у него такие дотошные, как Веревкин, участковые механики — чувствуется школа.

С Веревкиным Самаркин внедрял превенторы еще в Шаиме, придает им преувеличенно большое значение.

Проникаясь невольно его тревогой и болью, я, к тому времени редактор стенгазеты, предложил:

— Давайте-ка, Петр Михайлович, совместно с редакцией проведем рейд, и результаты в печать. Под крокодилскую рубрику.

— А что — идея! — Самаркин водрузил очки на место, внимательно поизучал меня из-под стекол и добавил: — Зайди завтра в отдел, прикинем, обсудим... Если бы каждый относился с пониманием, сколько сэкономили болтов, гаек, труб.

Он любит слово «резервы» не делячески, формально, а в его живой наполненной сути, точно выражающей задачи дня. Ему веришь, — не краснбай. В Самаркине я счастливо нашел единомышленника, с той поры наши пути сошлись надолго.

— Как думаешь, приживется Альберт? — спросил вдруг Петр Михайлович. — У него с родителями непорядок.

А какой, не сказал. Лишь чуть приоткрыл тайну.

ПОБЕДА — НА ВСЕХ ОДНА

Восемьдесят тысяч метров мы дали накануне Октябрьской.

Нас чествовали в Доме культуры «Юбилейный». Перед митингом увидел в фойе Григория Кузьмича с орденом Ленина на лацкане добротного темно-синего пиджака. По-обычному подаваясь вперед выпуклым сановитым лбом, Петров журил молодого симпатичного бурильщика в клетчатой ковбойке за то, что тот перепутал график и ошибочно дал вахте выходной. Было в пониженных нотках голоса, в как бы придымленных, с прищуром глазах такое, что заставляло парня робеть.

Вскоре он поднялся на трибуну. «Богатырь номер один» (как окрестила Петрова пресса) с расстановкой, замедленно говорил о победе, упирая на «мы», «наше»; рекорд — заслуга не только бригады и управления, но и смежников, горкома партии, горисполкома. Еще Григорий Кузьмич заявил;

— Рекорд — не самоцель, а разведка технологических и организационных возможностей. Не числом — умением брать, чтоб во всем был государственный подход. Только так соревнование обретет истинную значимость.

Его теория вскоре подтвердилась им же самим.

Закончил Григорий Кузьмич обязательством пробурить до конца года еще 13 тысяч метров, а в следующем дать все сто. Веское обещание заставить напрячь умы, пересмотреть планы.

К месту и времени пришлось на нефтяной целине Среднего Приобья лучшие качества Петрова — терпение и одержимость. Вознесли некогда безвестного бурмастера к высотам славы.

Такие мысли наваял митинг. И еще чувство праздника, причастность к победе каждого из нас. Словно бы сама природа радовалась событию. Небо приблизилось к земле и заглядывало в лица людей, высыпающих из Дома культуры. Снежинки касались плеч, щек, ресниц, молодили и наряжали землю.

...Снег перестал. С крутого небесного взлобка нам в лицо с Хажбигаровым, направляющимся в общежитие, светила луна. Возбужденно беседовал с Русланом о здешней восприимчивости: по примеру лидеров многие замахиваются на дерзкое, невероятное. И сами становятся лидерами.

Спор за первенство продолжался... Как-то в конце года меня окликнул в коридоре управления Самаркин, избранный освобожденным секретарем парткома: «Зайди-ка». Я зашел. В просторной на первом этаже комнате, где состыкованы буквой «Т» два лакированных стола, увидел Григория Кузьмича и его помощника Риф-

ката, круглолицего, круглоголового. Была здесь в полном составе вахта Гумара Гиндуллина.

Все прямо с буровой. Грязь на лицах, на руках. Что за аврал? Буровики по части туалета народ шепетильный, чумазами в партком не явятся, что-то экстравагантное сорвало их. И точно, Самаркин протягивает свежий номер «Правды» с поздравлением Леонида Ильича Брежнева.

Буровики народ бывалый, тертый, умеют сдерживать эмоции, но у Григория Кузьмича глаза без обычного прищура, подозрительно влажные. Все лицо обмякло, «распустилось». Помощник Рифкат резче, порывистей стал. Положил на столик-приставку замазученные руки, и на зеркальной глади остались два отпечатка, руки заметно подрагивали. Стал Рифкат сурово-торжественный. Молодцеватый Гумар знакомился с текстом стоя, беззвучно шевеля губами.

Пронзительно затрезвонил телефон.

Самаркин поднял трубку. Голос первого секретаря горкома, сильно приглушенный в мембране, спрашивал о митинге и речах-выступлениях — готовы ли?

Григорий Кузьмич сутки не спал и теперь, разморенный теплом, клонил на грудь крупную лобастую голову. Дремал, бодрствуя.

Я подзавел Григория Кузьмича:

— Только не зазнавайся.

Меня поддержал Рифкат:

— Придется, Кузьмич, обмыть золото, иначе заржавеет.

Намекал на звезду Героя, которая теперь-то непременно будет.

— А ну вас, липучки. Не поймали, а уже отеребили,— Петров оторвал от стены громоздкое, тяжеловесное тело, разлепил веки.— Пойду переодеваться.

На митинге он выступал перед Самаркиным, признался было читать по бумажке, но сбился и, как часто бывает, проще, доходчивей объяснился своими словами.

— Умельцы на Руси с кого повелись? С пахаря да плотника! Один хорошо, споро рыхлил полоску, а другой, глядя на него, того лучше и спорей; один плотник на загладенье срубливал дом — бревнышко к бревнышку, а другой старался перещеголять... Так и по сей день сила соревнования в переимчивости: сегодня победили одни, завтра — другие. И от этого выигрывают все, победенных нет. Да и может ли быть иначе, если никто не таит «секретов». Пожалуйста, займуйтесь, пользуйтесь. Давайте скоростные проходки. Соревнование к ним обязывает, из самой жизненной материи произросло, пробудило среди бригад дух азарта, и, верьте, будут новые имена, рекорды. Восемьдесят тысяч метров только исходная ступенька...

Хорошо выступил Самаркин.

Переквалификация главного механика в партсекретари совершилась не скоро и не просто. В главных механиках Самаркин утвердился, привык, а вот в иной роли? Видимо, потому некоторое время совмещал вакансии, по-прежнему бережливостью «железа» одержимый, думающий о резервах.

Совместный рейд службы главного механика с редакцией стенгазеты выявил захоронения под снегом задвижек, труб, слабый учет механизмов и приспособлений. По этому поводу Самаркин выступил на собрании, снова и снова, как тогда на свадьбе, темнел и суровел взглядом — искренне, от души.

С тех пор минули месяцы, он освоился. Но все еще листал толстые партийные справочники, прислушивался ко всему и всем, во все вникал. Учился добросовестно, кропотливо.

...После митинга сообща писали ответ Генеральному секретарю. Письмо наше потом появилось в «Правде». В «Правде» же опубликовали Указ о присвоении Григорию Кузьмичу звания Героя Социалистического Труда, членов бригады наградили — кого орденом, кого медалью.

Присвоили звание Героя и Исянгулову.

Опять был митинг в «Юбилейном», взволнованные речи и чувство праздника. Фотографии Григория Кузьмича замелькали в газетах. Его приглашали на всякого рода форумы, встречи, а местный художник пририсовал на его портрете в городской аллее Почета звезду Героя.

Так шумно закончился год.

Крепко задел волжанина прошлогодний проигрыш. Еще зимой Геннадий Михайлович завершил бригадную пятилетку, первым достиг и ста тысяч.

В тот же день провели митинг на буровой, а вечером — в Доме культуры. Как и год назад, празднично было. Под музыку вахта, пробурившая последние метры, внесла в зал алое знамя Почета и заняла место в президиуме. Особенно тепло приняли виновника торжества. У Геннадия Михайловича крепкий посад шеи, развитые плечи. Привычно уверенный взмах руки и густой голос выдавали широкую русскую натуру.

Погода стояла на редкость удачная, снежок выпал, неоновые огни по улице мягки, ласковы. Голубая дымка от них исходила. На краю неба, точнее, вполнеба, пламенело зарево Самотлора и вставали отвесно световые столбы — блики от факелов.

Полторы-две недели спустя дал сто тысяч Григорий Кузьмич, но он был вторым, и ограничились митингом на буровой да премиями бригаде. А в ночь под Новый год перевалил заветный рубеж бурмастер первого управления Громов. Один за другим рапортовали о вы-

полнении обязательств бригады нашего УБР — соревнование захватило всех, никто не хотел ударить в грязь лицом. Работали дружно, собранно, добиваясь, казалось бы, невозможного. И это было лучшим подтверждением действенности спора богатырей.

«Я ЖИВУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ...»

В Нижневартовске жилищная проблема остра, окраины, да и не только окраины, заполняются балками, вагончиками. У нашего управления целый городок. Получить вагончик или хотя бы половину — непросто. Долго ждут.

Немудрено, что после свадьбы молодожены квартировали у родителей Альберта. Но ведь известно, что у двух женщин на кухне не всегда совместимы характеры. Малейшая зазубринка искрит, накаляет атмосферу. Как-то Альберт пришел ко мне взбудораженный: — Баста! Порвал с родителями!

Не появился на монтаж, устраивая Лиду в общежитие, и Веревкин снова накатаł докладную. Пока суд да дело с ней, мы всем звеном разладили с механиком: потребовался кран — старая история, — а его нет. И Веревкина нет, в отгулах. Наведались к нему домой. Он выступил из дверей квартиры благодушный, в шерстяных ручной вязки носках.

— Как нет крана? — удивился. — Я заказывал.

Путру явился уже менее благодушный.

— Мало сделали! Я научу, как работать!

— Так не было же крана.

— А руки зачем даны, язык зачем привешен? Не могли, что ли, востребовать? — И пошло-поехало: — Лиду премии, разгону!..

Его максимализм объяснялся производственной гонкой. Он зачастую себя не щадил и нам послаблений не давал.

Глухой ветреной ночью объявился инспектор, ждет в культбудке. Свежевыбрит, надушен.

Веревкин, и так взвинченный, нервный, вовсе сорвался на визг:

— Вот уедет, кому сдадим монтаж?!

Но инспектор покуривает в культбудке, оделяя желающих сигаретами «Интер», заводит речь об экспериментальных долотах, которыми недавно снабдили нашу бригаду, мотивчик напевает:

Цветы, лишенные корней,
Цветы, опущенные в воду...

Снова «надавили» опрессовщики, снова инспектор воззрился на стрелки манометров. Порядок — все девяносто атмосфер! Но настроение уже испорчено.

— Ухожу к Хажбигарову, — заявил Федя Саблин (организовалась новая бригада, и механиком в нее назначили Руслана — дождался-таки своего часа!).

— И я уйду, — обрадовался Альберт.

Мне ничего не оставалось, как присоединиться из солидарности.

Урок подействовал. Новобранцам-превенторщикам Веревкин дал полную самостоятельность, лишь бы успевали. Поначалу многие механики излишне увлекались превенторами в ущерб остальному оборудованию, Веревкин — не исключение.

У нас из-за этого сожгли вал редуктора. В вахту Шаталина.

Приехав однажды на монтаж, услышал гневный басок механика:

— Ты не хитри, Михаил! Признайся, что прошляпил.

В разгар соревнования потерять полсуток, эх-х! Каждый метр на счету... Рано тебе бурильщиком быть, походил бы в помбурах...

Размахивал беспорядочно руками. Сильные, ухватистые, они взлетали, подобно бумерангам. На смуглом лице механика проступили пятна румянца. Вина за аварию падала и на него, но больше беспокоило поражение.

Бурильщика в наказание перевели к нам в новую бригаду, а Верекин отделался порицанием. Он считался опытным механиком. Жизнь улыбалась Верекину: на работе положение прочное, в семье лад. Не ожидалось трагедии.

Но... однажды в гололед на округлой, как яичко, скользкой бетонке вахтовый автобус занесло, метнуло на громадину «Урал». Верекин, привскочив, крикнул: «Берегись!» — и тут — толчок. Механика сорвало с сиденья и ударило виском о кронштейн у водительского кресла. Смерть наступила мгновенно.

Он жил, как солдат, сурово. И погиб на передовой. Трудно было поверить, что нет среди нас больше этого добросовестнейшего человека, преданного Северу с первых его нефтяных шагов.

Весь коллектив тяжело переживал утрату.

Лично для меня Верекин был одним из строгих учителей Самоглора, вся бригада Петрова — университетом бурения: вслед за Левиным она перешагнула рубеж в сто тысяч. И по сей день в числе лучших.

До кладбища гроб везли на грузовике с открытыми бортами и потому напоминавшем орудийный лафет. Снег ярился, сек метельно. У музыкантов губы прилипали к металлу. Казалось, и природа сострадала.

Похоронили Верекина рядом со Степаном Повхом,

именем которого названо месторождение — Повховское. И это их соседство определилось одним словом — первопроходцы.

Вот какие события предшествовали разбору докладной.

Дело о прогуле Альберта передали на цехком. В тот вечер мы ставили превентор на кусту новой бригады, и Хажбигаров принялся звонить начальнику цеха, толкуя о монтаже. Из мембраны — приказное, властное: «Пусть является, иначе уволим». Автобус уже ушел, а куст на отшибе, попутных оказий никаких. Так Альберт и не явился на заседание.

Декабрь выдался на редкость теплым. Тучи нависали, дождили. После новогодья температура резко упала, и все вокруг затянуло белесой дымкой. Стужа проникала в легкие, каменила виски: не только дышать, думать трудно. Тронется трактор — гусеница пополам, поднимет кран груз — стрела долой. Потому трубы с машин скатывали, при монтаже обходились без крана, кляня погоду. Все на собственных плечах.

Куст нам достался на газовой шапке в сеномане, являющемся на Самотлоре средоточием попутного нефтяного газа. Обычно под «кондуктор» — триста-четыре-ста метров в верхних осыпающихся породах — бурят без превентора, на газоопасном кусту — с двумя мощными двенадцатидюймовыми установками. Мало того, оставались дежурить после монтажа.

К ночи дымка обернулась легким снежком, который укрыл сырую занемелую землю. Пламя факелов вытянулось языками. Натужно скрипели троса лебедки, а рев компрессора казался устрашающим. Буровая жила обычной напряженной жизнью.

В оледенелой ночи мы безмолвны, как призраки. Стоит открыть рот, тотчас жесткий спазм перехватывает горло. У нашего звеньевго Федя Саблина лицо огненно-красное. Он, как когда-то в цехе Салаватского машзавода, в матерчатых нарукавниках поверх спесочной куртки. Въевшаяся привычка! Брюки-стеганки велики, и Федя шутит:

— Чем воздушная прослойка больше, тем теплее. Не озябнешь.

Сын потомственного рабочего, он унаследовал выдержку, степенность. Кажется умудренней, старше нас. Стажировался Федя у самого Самаркина, как известно, внедрявшего превенторы еще в Шаиме после наделавшего там переполоху газового выброса. Ас.

Случаются выбросы и на Самотлоре. В мою уже бытность строптивый джинн выдавил колонну к кронблоку в бригаде Глебова, швырнул под небеса шлам — разбуренную породу. На счастье, успели разбежаться люди, сама же буровая полыхала костром. Уничтожил вышку сеноман, который предстояло покорить нам. Что-то будет?

Ну так вот о Саблине. Закончив монтаж, Федя отправился в вагончик-столовую помогать чистить картошку. Он это делает постоянно, а также рубит мясо, пропускает на мясорубке. Супругу-повара он обожает, всякую свободную минуту при ней и заботливо наставляет:

— Ешь, Галя, ешь, пока рот свеж. В старости бы поела, да не схочешь.

В культбудке третьи сутки безвыездно главный технолог Суяргулов. Каждую ночь его поднимают по тревоге, и он вываливается из культбудки как из люка самолета. Сбоку буровой прилепилась газокаротажная станция: сторожит джинна. Пока спокойно, и Шаталин

просит у Суяргулова разрешения вскрыть сеноман. Главный технолог толст. Шуба, просторные валенки делают Суяргулова еще дородней. Весь силуэт главного технолога в сиротском обманном свете лампочки под потолком принимает пугающе квадратные формы.

Получив разрешение углублять скважину, бурильщик уходит, а я, дежурный по превентору, прошу главного технолога объяснить суть сеномана. (Вообще-то сеноман — это возраст пласта, но привыкли так называть сам пласт группы А.) Довольно охотно Хабиб Абдрахманович чертит вздутие — «шапку». В ней под семисотметровой толщиной выделившийся из нефти газ. Миллионы лет держала природная броня пленника, смирила, и вдруг нежданный пришелец — турбобур. Устремился джинн в открывшуюся брешь, да не тут-то было: давит столб раствора. Газ готов выметнуть его, но каротажные датчики вовремя предупредили: «Газ в растворе!»

Суяргулов отправляется на мостки, где дегазатор — специально для удаления газа из раствора. Дегазатор включили, настроили. В то же время вахта обрушивала в емкость барит — утяжелитель.

Процент газа в растворе постепенно упал, и Суяргулов успокоился. На мостках осталась лишь лаборантка Виктория, она постоянно измеряла температуру и удельный вес раствора, серой струйкой спешащего из скважины, пользуясь то градусником, то ареометром.

Назначение раствора многообразно. Он вращает ша рошки долота, охлаждает их, глянцеует стенки скважины, предохраняя от осыпания, выносит наверх шлам... Раствор — живая кровь бурения. Вот почему не могла оставить Виктория нескончаемую серую струйку в желобе.

Обындевелая, в шубе и пышной шали лаборантка

на мостках, как царевна в роскошных чертогах, где крышей небо, а росписью на потолке луна и звезды, вместо пола прозрачные, в окружении факелов синеватые снега.

Рассветало, но звезды еще отчетливы. Завалились с Русланом в сушилке поверх сохнувших спецовок и вполне довольны. Хажбигарова даже поманило на философствования:

— Ингуши пришли к социализму, минуя капитализм. И сейчас единокровные фамильные деревни есть. Мой род от горного абрека Хаж-Бега, конфликтовавшего с феодалами. Его заковали в кандалы и упекли в Сибирь, а далекий отпрыск, инженер, если хочешь, интеллигент, добровольно здесь... И не чувствую себя гостем.

В новой должности Руслан все тот же свойский парень. Безвыездно на буровой.

— Устраивает тебя должность механика? — интересуюсь сквозь дрему.

— Я мог бы стать бурмастером, закончив факультет бурения. Значит, что? Поступить на четвертый курс того же Грозненского — и карьера обеспечена.

Не слава ли богатырей-рекордсменов раздражила? Работает Хажбигаров на совесть, с желанием. Сегодняшней ночью едва пробравшийся в раствор газ легким хлопком выстрелил из скважины, готовый взметнуть ревущий столб. Руслан бросился к пульту у лебедки и закрыл преентор. Не оплошал.

В нем много еще неустоявшегося, противоречивого, но основа верная, при северной отшлифовке утвердит парень из Чечено-Ингушетии лучшее в характере. Сведя нас воедино, Самотлор преподает суровую мораль, в которой главное — Труд, Труд и еще раз Труд. Здесь че-

ловека ценят прежде всего по делу и по тому, насколько справедлив с товарищами.

...Помбуры опять таскают барит из-под навеса, бодрствует главный технолог в газокаротажной машине: опасность выброса не миновала. И так будет до конца зимы, пока не иссякнут запасы утяжелителя и разбуривание куста прекратят до навигации.

На цехкоме сначала зачитали докладную покойного Веревкина, выслушали объяснения Альберта, затем Хажбигаров рассказал, как трудно привыкал Крайнев к бригаде.

— Главное,— сделал ударение Руслан,— этот парень становится все лучше и лучше.

Саблин и я постарались отвести беду. За прогулы в нашем управлении наказывают строго, вплоть до увольнения. Тем более что эта докладная вторая. Первая, если помните, появилась в пору предсвадебную — встреч с Лидой, гуляний до зари. Тогда решалось: быть или не быть, мореходка или Самотлор? Постепенно Альберт уверовал, что Лида его — единственная, неповторимая, к Самотлору пока что оставался равнодушным, хотя поразил тот его своим масштабом. Против Шаима все равно, что корабль против лодчонки. Альберт сразу отметил это, как только отец прокатил его бетонкой во-круг Мертвого озера.

Не меньше воздействовал Самаркин, давний друг семьи. В главном механике виделось Альберту нечто необычное. Привязанность Петра Михайловича к бурению казалась необъяснимой.

Но затынул с медкомиссией, а значит, и заключением договора на работу, вызвав недовольство Веревкина.

А тут еще недосыпание. Работа вахтовая. Утром

уезжаешь в шесть да пока вернешься... Альберта постоянно одолевала дрема. На первом памятном монтаже касался переносицы сварочным электродом. Не спасло. Дрема отлетала ненадолго, Альберт сморился, этим еще больше обострив отношения с Веревкиным.

Рвения так и не выказал, рассердил в конце концов и Хажбигарова. Руслан его воспитывал. Пробовал я расшевелить, увы! И вот тучи сгустились. Узнаем про докладную Веревкина...

— Здесь тебе не палубу драить, — констатировал Хажбигаров. — Выбрось малейшее звено — другие захромали. Так-то! Няньчиться не станут. Темп, знаешь, какой.

— Ясно! Понял! — ответил Альберт. — Но мне так нужны деньги на свадьбу. Почему лишили премии?

— Я здесь ни при чем, — крутнулся Хажбигаров. — Заключи договор, получишь подъемные — все четыре тарифа.

— Спасение! — повеселел Альберт. — Моряк не хнычет и не плачет никогда...

— Не плачет-то не плачет, но договор ведь обязывает.

Хажбигарова злила бесстрастность Альберта. Злила и меня.

У меня к Крайневу сложилось двойное отношение. Уважал за раннюю самостоятельность, возмужалость, за флот. Отвращала сухая рассудочность.

В целом наши отношения протекали без осложнений, по руслу взаимных сближений. Особенно после свадьбы, когда по тревоге подняли на передвижку буровой. Перед обедом подлетела машина с брезентовым верхом, из нее повыпрыгивали и, как десантники, проворно разбежались парни с нашивками «Главтюменьнефтегаз» на рукавах. Принялись резать трубы, сваривать, крепить.

Пустили растяжки сверху буровой, чтоб не завалилась при передвижке. Трактористы в кабинах — словно танкисты перед боевым броском. И сами «сотки» с вызывающе привздернутыми передками напоминали знаменитые «тридцатьчетверки».

Когда приготовления закончились, бригадир вышкарей, прямой, как карандаш, с коричневым носом мужичок, встал на деревянный ящик, воздел для команды обе руки. И расстояние-то пустяк — четыре метра, а осилить надо умеючи... Мужичок, подождав, резко опустил руки, словно отбросив за ненадобностью, и водители враз выжали сцепления. Буровая нехотя двинулась по рельсам. Вместе с ней линии прэвентора.

Нам теперь можно и по домам.

Срезав изрядный кусок пути, промокнув от сырой травы и кустарника, выбрались на бетонку. Уже осень властвовала с ее дождями. А то возьмет да и вызолит несмело березняки — выявит желтизну по взгорьям. Тогда тепло и целомудренно тихо: случайный шорох, как треск пламени свечи, капанье воска.

Альберт торопился к Лиде, и я едва поспевал за ним.

— Истинный марафонец, — заметил ему. — Спортом, что ли, занимаешься? Я это заметил еще на озере в первый монтаж.

— Занимался. Боксом. Одно время был даже чемпионом Урая среди юношей, — не сбавил шага Альберт. — Поражения ни одного, хоть по очкам да сводил вничью.

— Страшновато на ринг выходить?

— Важно первый раз не стушеваться. Меня «крестил» второразрядник, подзадорил так, что закачало. Разозлился я, второразрядника — по уху: знай наших! Перед боем всегда старался разозлиться, никакой страх

не брал тогда. Братишку Петьку в своем духе воспитал. Схватился как-то с пацанами у подъезда, я не вступился, пусть сам за себя постоит.

С Альбертом пробовал помериться силами Федя Саблин. Он хоть и щуплый, но жилистый, верткий. Альберт захватил его правую руку — блокировал, обнял за шею и с подворотом налево бросил через плечо. Владел и броском через бедро. Этим приемом положил здоровяка Шаталина.

— Сладил, да? Сладил?! — изумился Михаил. — Как это ты?

На буровой приварили к увесистой болванке ручку, получилось подобие гири. Не многие решались испробовать себя, если и решались, то отступали с конфузом. Альбертходя, единым махом взметнул «шутильник».

Верилось: сможет он преодолеть себя. Сильный парень.

Во время совместного марша я посоветовал:

— На превентор разолись. Противник достойный.

— Есть пострашней превентора... — Альберт поколебался, сказать ли то, что давно тяготило его, делало скрытным. — Нелюбовь родителей... Это надо испытать, нелюбящие друг друга родители охладевают и к детям. — Решился: — Слушай!..

...Весной 45-го, через неделю после Победы, в поселке Бавлы, что в Татарии, появился молодцеватый лейтенант Виктор Крайнев с рыженькой незнакомой девушкой. На ней ловко сидели гимнастерка с чистым подворотничком, защитного цвета юбка и сапоги. Сапоги начищены зеркально. Пилотка, лихо сдвинутая, чудом держалась на кудряшках недавней завивки. В доме у Крайневых, где хозяйничала престарелая мать Виктора и брат Георгий, только что демобилизовавшийся матрос-десантник наводил порядок, девушка бой-

ко щелкнула каблуками и приложила руку к пилотке.

— Медсестра Рыбакова! — помедлила и смягчила:—
Валя...

Встретились они накоротке в поезде, решили пожениться — молодость безоглядна. Бывают, конечно, и такие встречи счастливыми, но их пробудившееся взаимное тяготение скоро развеялось. У Валентины обнаружился излишне крутой нрав.

Виктор тоже считал себя обделенным, тяготился случайным выбором.

Раскаты их ссор достигали детей. Невольно дети становились свидетелями распрей, отстранялись от родителей. Альберт особенно болезненно реагировал и после седьмого класса поступил в Тюменское судоремонтное училище — как полагал, ушел из семьи навсегда. Но сердце не камень: флотский поощрительный отпуск решил провести у родителей. Тогда встретил Лиду. Любость к ней и привела его в Нижневартовск.

Между отцом и матерью все осталось по-прежнему. Отец начал запивать, мать бранилась (каждый по-своему выражал неудовлетворенность). И душа Альберта заболела сильнее. Еще и поэтому рвался куда-нибудь подальше, с глаз долой: в мореходку, просто на «воду» — все равно, лишь бы отмежеваться. Так и сделали, переселились с Лидой в общежитие.

Родительская драма стала таким образом личной занозой Альберта, которую не вырвать, не вырезать.

Женитьба принесла ответственность не только за себя, но и за Лиду. И вот досада. Как объяснить все нюансы? У Альберта как раз решалось с вагончиком. Перед разбором он зашел к начальнику управления, и тот сказал:

— Подожду, что решит цехком.

На заседании цехкома я заострил внимание на том,

что жилье нужно для молодоженов. Семья же ломается. Начальник цеха четверть века в бурении, и предцехкома рано начал трудиться. Оба бывалые, житейски сведущие.

— Пусть будет так,— заключили.— Надеемся, все утрясется и с родителями.

Последнее слово, как водится, за «обвиняемым». Альберт встал, и голос слегка задрожал:

— Спасибо. Я понял, что живу среди добрых людей.

Мудрую истину подарил опять же Самотлор. Он — не только буровые и нефть, прежде всего — отношения людей, диктуемые суровой обстановкой. Мы начинали понимать, как пройти через жизнь с полной выкладкой и не сбиться на ложную тропу, не разменяться по пустякам.

После цехкома Альберт — снова к Исянгулову.

— Ну, что решили? Так! Вот теперь получишь половину вагончика,— и назвал номер.— Можешь заселиться.

Через пару дней состоялось новоселье. Войдя в вагончик всем звеном, увидели Крайнева — отца, с мирным домашним видом чинившего стиральную машину — свадебный подарок. Примирение состоялось. И это обрадовало больше всего, потому что к лучшему складывалась жизнь нашего товарища. Легко произнесли тост за простенькой дружеской трапезой.

ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ

Григорий Кузьмич хмурился, морщил лоб.

— Что, молодец, не весел, аль огорчен проигрышем Левину? — поинтересовался его давний приятель и со-

юзник во всех починах Гумар Гиндуллин.— Стоит ли кручиниться.

— Не то, Гумар,— открыто, без обычного прищура посмотрел мастер.— Скважину мало пробурить, ее еще надо освоить, чтоб крутнул задвижку — и готово: хлынула черноокая.

— Факт,— подтвердил бурильщик-усач, уясняя, куда клонит Петров.

— Пока куст не освоен и не сдан промысловикам,— с еще большим воодушевлением продолжал Григорий Кузьмич,— он не в счет: нефти не дает. Весьма важный пункт — освоение. Ведь сколько скважин и суток вырвем, столько и дополнительной продукции. Если усилия сосредоточить на вводе скважин, только тогда Самотлор выполнит задачу по приросту добычи, метры — еще полдела. Мы ускоренно бурим, число незавершенных скважин ускоренно плодится. А при комплексном охвате, когда бригада хозяин и ответчик на кусту до полной сдачи его,— иной компот. Не будет подготовителей, аварийщиков... Все сами...

— А рекорды? Ты же замахивался на сто пятьдесят тысяч метров.

— Зачем они такие, если общество внакладе? Благоприятными условиями Самотлора, улучшенной технологией и двойным числом вахт злоупотребляем. В пылу рекордов упустили существенное: буровые бригады повсюду в стране из четырех вахт, с одной буровой. У нас с Левиным их вдвое больше, и буровых станков два, а сравнительные показатели берутся без учета этого. Но ведь два трактора больше вспашут, чем один, две прядильщицы больше наткут, чем одна. Пора вернуться к четырехвахтовке, встать на равных с другими. К примеру, мы наострились бурить наклонные стволы, не траться на частые демонтажи, а выигрыш в производи-

тельности каждого человека кот наплакал. Меньшим числом взять большее — вот истинная заслуга, вот подлинный государственный подход. Назрел в бурении бригадный подряд! — подвел Петров к главному. — А то отсыплют площадку под буровую, получают премию, и пустует «пяточок». Спустя время вышкари по-быстрому смонтируют станок, получают вознаграждение, и снова тишина. Буровики и освоенцы, строители — по тому же принципу. Все с премиями, с опережением, а сроки прежние. Составить надо сетевые графики и немедленно задействовать с указанием каждого этапа. Этот такого-то числа, а этот такого-то принимают и сдают. Главку каждую десятидневку справляться о том, как выполняются графики. Все это, вместе взятое, и будет бригадный подряд в бурении.

— Кто-нибудь пробовал до нас? — У Гумара усы задвигались, он беззвучно, словно загодя подсчитывая выгоды, пошевелил губами.

— Хазиев в Татарии, но его опыт мало известен. Самим докапываться надо.

И они отправились к Исянгулову.

— Сами будем устранять браки... Сами осваивать скважины. Все как полагается. Бригада ответственна за весь цикл — от забуривания до сдачи. А то на бумаге скважина есть, на деле — мертвый капитал. По-злобински: если не подготовил, не довел до конца — и денег не получил. Поневоле постараться закончить.

Начальник управления помолчал, подумал:

— А освоение? Не покажется спорным?

— Попытка не пытка, мы за право на эксперимент, — Петров с Гумаром наперебой.

— Все так, но освоение скважин со станка поубавит метраж, — выставил контрдовод Исянгулов.

— Зато поднимет добычу, — загорячился Григорий

Кузьмич.— Сейчас большинство кустов сдаем в конце месяца, с опозданием. Если те же самые скважины запускать, скажем, двадцатого,— выиграем десять дополнительных скважино-суток, если десятого — двадцать. Все это — нефть. Она и будет определять истинный успех, а не метры сами по себе. Метры лишь составная общего результата.

— Ты меня знаешь, Григорий Кузьмич, я никогда не был противником нового,— поставил точку Исянгулов.— Согласен заключить с бригадой хозрасчетный договор.

В эти же дни Петров встретил Левина и с жаром завел речь об освоении со станка,— какотреагирует? Геннадий Михайлович воспринял это отрицательно:

— В начале соревнования мы уже осваивали скважины со станка и отстали от вас на две тысячи метров. Тогда всерьез озадачились, решили создать специализированные бригады. У них установки «Бакинец», инструменты, навыки... Не делают же автомобиль, трактор или самолет на одном заводе, десятки предприятий участвуют. Подобное и со скважиной.

— Так то автомобиль, трактор или самолет... Самолет! — иронично протянул Петров.— Эвон куда хватил. Время покажет, кто из нас прав, время и практика.

Круто развернулся и ушел не попрощавшись,— проявил норов.

...Вот деньки! Еще вчера вся страна следила за скоростями проходов на Самотлоре, кто будет первым? Сегодня спор мастеров приобрел иную — экономическую — направленность. Идея бригадного подряда не случайность, а логическое следствие соревнования, его зрелость. Весь ход событий подтверждал: новые дни — новые ступени совершенства.

КАНДИДАТСКИЙ СТАЖ

Бурный темп Самотлора проявился и в том, что из нашего управления выделилось третье УБР, в нашем управлении создали две дополнительные бригады. Прежнее ядро шамцев обновилось, но не ослабло.

Весной утки вспархивали прямо из придорожных канав, а хмельные, в брачном экстазе куропахи упрямо не желали уступать бетонку вахтовым автобусам. Мы привыкли уже к теплу, синеволью, как вдруг «падра» — слякоть с ветром. Вихрь лавиной крутил белесые смерчи, нагонял сплошную завесу.

Покончив наконец-то с утонувшим в глубинной густой грязи, при которой больше энергии затрачиваешь на вытаскивание ног, чем на саму работу, газоопасным кустом, передвинулись к Белому озеру.

На Белоозерном кусту сухо, песчаный островок посреди безбрежья вод, и никаких газопоявлений. Досадили, правда, дорожники, тянувшие бетонку: задержали автобус. Да тампонажники припозднились с заливкой цемента «кондуктора» (помните, обсадные трубы в верхних осыпающихся породах), оттянулся монтаж на ночь.

Вместе с нами бодрствовал молодой, с пятном ожога на щеке мастер Володя, ждал, пока поднимут завалившийся вверх колесами в промоине тампонажный агрегат. Мастер этот из тех одержимых, что, забывая об отдыхе, сутками находятся на буровой. Волнуясь, заикается, все время словно в чем-то себя убеждает. А кто-то внутри его не соглашается. Мастер ему свое, а он свое: возражает — и Володя в постоянном диалоге с незримым оппонентом. К утру как будто усох, лишь пятно ожога ярко цвело на сером складчатом лице.

Володя из молодой смены, начинающий.

...Ночь выдалась облачная, звезды едва проблескивали, и темнота готова была затопить островок света вокруг буровой.

Засветло уже сдали монтаж. Инспектор Ветвицкий торопился куда-то и принял не глядя; уехал с вахты и мастер, а мы остались красить линии-выкида — ожидалась авторитетная комиссия. Спроворили — и айда в кедрово-ельничную островинку отметить по-приятельски день рождения Альберта. С нами Виктория. А Федя улизнул, не в силах снести разлуку: у Гали выходной, она в городе. И Федя заторопился к жене.

С веток на нас взирал дымчато-сизым оком бородастый ворон кырныж (должно быть, в укрытии гнездо). Возле «застолья» черным питоном пролегла труба в подтеках застывшего битума.

Холодная водка после затяжной маятной ночи кажется вкусной, приятно размягчающей.

— Не тот плох, кто имеет недостатки, а тот, кто мирится с ними, — произносит, как бы продолжая когда-то начатый разговор, Хажбигаров. — Ты, Альберт, хочешь и можешь исправить их. Но вот... есть ли у тебя цель в жизни?

— Цель, — выразить нужно многое, и Альберт медлит. — Первое — закончить вечернюю школу и поступить в институт, помочь получить образование Лиде. Второе — народить детей, без них в доме заводятся призраки.

— Ну, а принципы семейной жизни? — допытывается Руслан.

— Физически сильным быть, честным, обязательно хозяином слова. Устал — не подавай виду, решил бросить курить — брось, иначе жена разуверится.

— Правильно понимаешь, — поддерживает Хажбигаров. — Сантименты не к лицу мужчине.

— Сентиментальный мужчина жалок,— усиливает Альберт.— Так выпьем за сильных мужчин.

— И за женщин тоже. Неизвестно еще, кто сильнее,— протестует Виктория.— А что до сантиментов, не согласна. Нежность, например, что такое?

— Нежность — оно, конечно,— Альберт прячет букет бледно-сиреневых цветочков, собранных для Лиды, а сам слегка румянится.— Поэт утверждает: «Говорите о любви любимым...» Может, так и должно быть.

Руслан отделался шуточкой:

— Женщина — украшение северянина. Итак, за мужчин и женщин Самотлора!

Уловив паузу, ворон повел настороженно клювом. Большого труда стоило бородатому удержаться на «наседке» под бешеными наскоками «падеры».

— Что тебе цунами,— бросил на ворона взгляд именинник.

— Цунами... Кажется, что-то штормовое? — Виктория тоже посмотрела на ворона, будто в бородатом таился смысл сказанного.

— Цунами опасней шторма, особенно у берега. Испытал в Петропавловске-Камчатском... Цунами, Вика,— это страшный вал от подводного землетрясения,— пояснил Альберт.— Ему следуй навстречу точным прямым курсом, иначе швырнет, как щепку, на сопки. Мы ушли тогда к острову. На острове памятник матросу, закрывшему своим телом амбразуру японского дота. Взобрались по каменистым прибрежным осыпям положить к подножию яркие курильские маки. Туман нависал, волны klokотали неумолчно. Подвиг матроса обязывал и нас быть мужественными.

— Самотлор тоже цунами,— заявила Виктория.— Только здесь цунами каждый день, не спадает. Чуть

дрогнул, стушевался, и ушибет. С ним надо глаза в глаза.

— Це-це! — удивился Хажбигаров. — Ты умница, Вика.

Альберт замолчал, и мне показалось, что он соизмеряет свою жизнь на Самотлоре с определением Виктории. Проверка каждого из нас, физическая и духовная, в прошлом и настоящем. Благотворно сказалась она на Альберте.

— Мой дед по отцу — известный уральский большевик, — после некоторой паузы произнес именинник. — Силы физической был необыкновенной. Обхватывал руками дерево, к нему припрягали лошадь, но не могла кобылка разорвать сцепленных рук. Подковы разгибал, переплывал реки в ледоход, сотни километров отмахивал по тайге, спасаясь от жандармов. Да и бабка деду под стать. Нагрянули колчаковцы, допытываются: «Где муж? Отвечай!» — «Не ваше дело, паршивцы! Откуда сами-то, и кто звал сюда?» — «Ах, такая-рассякая!..» Едва не расстреляли.

Брат отца, дядя Гоша, в Великую Отечественную сражался на Малой земле под Новороссийском. Долго удерживали высотку Н. у поселка Эльтиген черноморцы-десантники. Не только удержали, отбросили врага... Отцу в воздушном бою под Кенигсбергом крепко задело руку и правый бок, летать уже не мог, заправлял «ястребки» на аэродроме. Перенес две операции, но не сломился.

— Когда корни здоровые, то и дерево крепкое, — подытожила Виктория, не зная семейных перипетий родителей Альберта.

— У человека все от самого себя, — рассудил Руслан. — Лично я верю только в случай. В нефтяной Грозненский поступил случайно. В Нижневартовске то-

же оказался непредвиденно. Удача — и сразу в экспрес-се, распахиваешь дверь вагона первого класса: «Вот я! Принимайте!» — и обитатели мягких купе теснятся, уступают место.

— Или наподдают и вышвырнут, — усмехнулся Альберт. — Не спросят ни имени, ни фамилии.

— Случай, конечно, разные, — задумчиво протянул Руслан.

— То-то и оно. Случай вознес, случай уронил. Нет, я сторонник закономерности. Да и случай — лишь ее проявление. В Грозненский институт привела тебя причастность к нефти отца инженера. Приезд на Север объясним временем — нефть Сибири в центре внимания. Не оказался же у рыбаков Находки.

— Це-це, — только и прицокнул Хажбигаров. — Если самолет моей теории разбился, отправлюсь пешком с котомочкой.

Прятавшая под шапочку непослушные локоны, Виктория заметила:

— Ты философ, Альберт.

— На то он и человек, чтобы размышлять. Мне есть над чем... Перед дембилем вступил в кандидаты партии... Выходит, мой испытательный стаж на Самотлоре. Вот уж действительно не простой...

Стемнело, когда выбрались из островинки. Тотчас накинута «падера», забросала колючим градом. В вершинах деревьев свистел ветер, и ворона уже не было видно, а гостеприимная гривка казалась сплошной, неподступной. Вполне примешь за настоящую тайгу.

Третьего октября Альберта принимали в партию. Вместе с ним принимали в члены КПСС и лауреата

премии Ленинского комсомола, мастера комсомольско-молодежной бригады Глебова. Его уже ждал «уазик» под окнами, чтобы потом сразу в бригаду. И одет был Глебов по-походному: в сапоги-болотники, в штормовку.

Такого да не принять. Знаменитость.

И точно: за Глебова проголосовали дружно.

Альберт почувствовал зыбкость пола, словно под ногами ускользающая корабельная палуба, оперся рукой о спинку стула. Мотивировка в заявлении: «Хочу быть активным строителем коммунизма, идти в авангарде рабочего класса, вооруженный учением великого Ленина» — показалась сейчас слишком общей.

— Мой дед и отец — коммунисты.

Глаза Самаркина — партсекретаря живенько сбежались к переносице, став похожими за стеклами очков на полумесяцы-лодочки, прибившиеся к берегу, а широкие кустистые брови задвигались.

— Партийная династия... славно... — снял с лица официальность, подобрел. В глазах-полумесяцах обозначилось любопытство: — Каков наследник?

Спросил про службу, поинтересовался семьей.

И Альберт вдруг успокоился, поняв, что экзамен держал раньше, когда проводил дни и ночи на буровой, трясся в автобусе по бетонке. Сейчас выложат лишь окончательное решение.

Зал поднял руки.

— Единогласно, — подытожил Самаркин. — Теперь что бюро скажет?

Глебова на бюро долго не держали, минут через десять он уже считал ступеньки вниз: Видать, торопился. Альберт потянул на себя невероятно тяжелую половину двери. Из членов бюро он знал только первого секретаря горкома, своего ровесника Великопольского. К нему и привязал взгляд.

Вопросов не последовало.

— Если самотлорцы — за, я — не против, — поднял руку Великопольский. — Верим в вас, Альберт, молодого коммуниста. Билет вручим завтра.

На улице его окликнул Федя.

— Завтра монтаж.

«А как же с билетом?» Переборов смущение, Альберт постучался к Великопольскому.

— Что ж, поправимо, — секретарь горкома поднял телефонную трубку. — Клавдия Иннокентьевна, подготовьте партбилет Крайневу. Что? Есть необходимость. — И, когда из орготдела принесли красную книжечку с силуэтом Ильича, крепко пожал руку.

ОСЕННИМ ДНЕМ

Пасмурным осенним днем с непрекращающейся морсью, когда небо вплотную придвинулось к земле, отправлялся я в бригаду к Петрову. Главное озеро на газовой шапке, внимание к превенторам здесь утроенное — дежурили и после монтажа установки.

Автобусик все катил, подпрыгивал на плитах бетонки, и сквозь дымку мороси проступали желтеющие лиственные лески, бесстрастно полыхали газовые факелы. Наконец он продрался сквозь тучи, вильнул к песчаной дамбе среди озера и вот уже возвышается над волнами. Буровая появилась неожиданно, как великан-привидение в размытом дождем пространстве.

Вахту сдавал Гумар Гиндуллин. Он несколько огрузнел, раздался в плечах с того незабываемого вечера в парткоме, когда готовились к митингу по случаю поздравления нас Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, прибавилось седины в шеве-

люре, но усы все те же молодецкие, чапаевские, и силою веяло от большого крепкого тела, массивных, развитых плеч. Гумар в намокшей, заляпанной раствором брезентовке, лицо влажное после непогодной ночи. Он заполнял буровой журнал и по рации давал диспетчеру полный отчет о сделанном.

С Петровым он встретился в Урае и с тех пор неразлучен с ним. Именно в его бригаде пробурил за вахту 550 метров — поставил рекорд по Западной Сибири, воспитал на Севере не одну смену бурильщиков, помбуров. Вот и молодой симпатичный парень в клетчатой ковбойке — его бывший ученик. А теперь они соревнуются.

Самотлор потяжелей Шаима: разрезы газоопасные, пришлось бурить утяжеленным раствором. Но привык Гиндуллин, освоился. Орденом Трудового Красного Знамени награжден, ударник коммунистического труда, во всех отношениях человек устойчивый, основательный.

— Не смотри, что он такой тихий, — Григорий Кузьмич подмигивает мне. — «Волгу» вот захотел — не меньше. Напишу, напишу в министерство. Не грех знатному бурильщику «Волгу» иметь.

Вдалеке, за полосой воды, проступает редкий тундровый соснячок по мшаге, никнет под окнами культбудки березка — довольно унылая картина, но в душе ни грусти, ни уныния. И это от общения с такими людьми — уверенными в себе, несуетливыми. Оба надежные, как скала, свойские и понятные до дышка.

Григорий Кузьмич не торопится с новостями, зато говорит обстоятельно, без наводящих вопросов о том, что его больше всего занимает — о самом существенном:

— Про подряд небось слышал? То-то же, шевелим мозгами и руками, кое-чего еще можем! Наполовину сократив число вахт, при одной буровой пересмотрели организацию работ и занялись полным циклом строительства скважин. С начала года пробурили их восемнадцать и все сдали на «отлично», а раньше держали подготовителей, аварийщиков, освоенцев, бригады по ликвидации брака. Кого только не держали!.. Вот что значит комплексный подход в действии! Если раньше спускали насосно-компрессорные трубы шестнадцать часов, то теперь вдвое быстрее. Заранее отвернем кольца, ослабим гайки, более тщательно приготoвим инструменты, прочистим, смажем резьбу — и результаты сторичей. Кое-кто в первом управлении — старожилы на Самотлоре — иронизировал над нами после Урая, что, мол, «колодцы» только — мелкие скважины — бурить умеем...

Петров побарабанил пальцами по столу и посмотрел на вышку в сетке мороси, во взгляде обозначилась суровость.

...Весной, в навигацию, завезли нам станки, и уже через полгода обошли Левина. Это в организационный период, когда еще только привыкали к Самотлору. Не будь соревнования, не было бы и скоростных проходок, новых организационных форм, но в зачете пока что голые метры. Бригадный подряд обязан внести поправку, коль бригада в роли генподрядчика отвечает за все на кусту. Плотник или тот же пахарь на Руси издавна дом и полосу обихаживал до победного венца.

Григорий Кузьмич достает сводку.

— У Левина метраж больше, зато мы скважины сами осваиваем, одно на другое — уравнивается... С учетом освоения коэффициент произведенных работ у нас даже выше, чем у Геннадия... Разрешение спора

вижу в практике, а не в мелочной ревнительной междоусобице. В работе с Геннадием мы — соперники, в жизни — друзья. Собираемся вместе проехать по нефтяным месторождениям старушки Европы.

Вспомнились митинги, речи-заверения... Нет, не подвели сибиряки-нефтяники, крепко держат слово. Удаль и сила в них былинного Васьки Буслая, боевой задор поистине неутомимый.

...Мне все интересно в Григории Кузьмиче. Как проводит отпуска, сколько зарабатывает, какие любит книги и с кем дружит. Имеет ли внеурочное увлечение. Сама биография мастера занимает. И он все, как есть, без утайки выкладывает.

— Селянин я, из чувашской деревни Мессели Аургазинского района Башкирской АССР. После семилетки закончил ремесленное училище и попал в бригаду пионера «Второго Баку», как тогда именовали Башкирию, Елисея Пругло. Позднее заменил его, ушедшего на пенсию. Подобно Геннадию, вместе с бригадой и в Шаим пожаловал. Там ничего еще не было. Обитали на ветхом пароходике «Жан Жорес». Рубили себе дома-временки, между прочим, министра угощали тушенкой и крепким чаем в бревенчатой таежной избушке с наспех сколоченными скамьями.

Едва обжились на Тетеревской площади, перебросили бригаду на Усть-Тетеревскую, потом на самую дальнюю — Убинскую. Одними из первых и на Самотлор успели. Не без моего настояния. Прихватили тогда «мелочевку»: ключи, элеваторы, и айда. Опять привыкание на новом месте, спартанские условия. Работой одной и существовали, зато показали, какие «колодцы» можем дырывать.

При упоминании об этом на лице у Григория Кузьмича появляется властное, природно-одержимое выра-

жение. Григорий Кузьмич меняется на глазах: от строгого и упрямого до озорноватого, с усмешечкой или предельно простодушного, сентиментального даже. Все в нем есть, разнообразные оттенки чувств, мыслей — в прищуре глаз и полуулыбке губ, в жестах, притушенных интонациях голоса.

Однажды с Гумаром они разыграли пол-управления. «А что, Яруллович,— как бы между прочим обронил Григорий Кузьмич,— не думаешь загнать «Волгу», деньжата — они не лишние?» Никакой «Волги» у Гиндулина нет, но он смекалисто принимает шутку: «Пожалуй, продам, если найдутся желающие». И загуляло по буровым: «Гиндуллин «Волгу» продает», и уже цену назначают, торгуются.

Зарабатывает Григорий Кузьмич хорошо, но накоплений не имеет — много тратит на отпуска. Прошлым летом исколесил пятнадцать тысяч километров, с женой и детьми посетил пушкинские и некрасовские места, Хатынь, Саласпилс, на родине Юрия Гагарина побывал. Считаю, полстраны охватил.

— Думают, Петров — бурмастер, Герой Труда, так в роскоши купается,— пускает полуулыбку.— А у меня до сих пор мебели порядочной не завелось, довольствуемся тем, что в местном магазине попадается. Некогда за гарнитурами гоняться. Вот все накопления,— показал сберкнижку: шестьсот рублей значилось в ней.

Григорий Кузьмич тянется за сигаретой, но пачка пуста, и он распечатывает новую, снова дымит «Столичными». Появляется знакомый симпатичный бурильщик — подобно Гумару, он теперь в мокрой, заляпанной раствором брезентовке с капюшоном. В такой экипировке кажется еще экзотичней, привлекательней. Тактично, однако с напором напоминает о стенгазетной передовице.

— Пишу, уже пишу,— Григорий Кузьмич покорно склоняется над листом бумаги, сосредоточенно-задумчивый.

— День нефтяника в 65-м учрежден? — вдруг спрашивает.— Точно, в 65-м, мне тогда именные часы преподнесли. Значит, нынешний праздник юбилейный.

Снова тянется за сигаретой и снова соображает над листом бумаги: старательный, притихший, как школьник.

— Дома сочинишь,— советую я.— Что за аврал?

— Не сочинишь,— обреченно вздыхает Григорий Кузьмич.— Центральное телевидение фильм обо мне снимает. На буровой и в управлении увековечили, еще по дороге на Самотлор хотят, непременно на белой «Волге». Как Наполеона на белом коне. Телевизионщикам в Москве сказали: «Пока не сделаете фильм, не возвращайтесь». И они и так крутят, и этак повертывают. Чую, сегодня домой нагрянут,— Григорий Кузьмич серьезнеет.— Их труд тоже уважать надо.

Мелким убористым почерком заполняет страницу, медлит, размышляет над бумагой и снова пишет без правок.

— Готово! — радуется просунувшегося в дверь бурильщика.— Какие еще заметки собрал?

Сообща они просматривают материалы. Иные бракуют, иные хвалят. Григорий Кузьмич считается с мнением паренька — ненавязчив, тактичен.

На буровой очень ритмичная, несуетная обстановка, отвечающая девизу: «Меньшими силами брать больше».

Приятно ощущать такое. Дежурство пролетает незаметно, как один час. Об этом говорю на прощание у девятиэтажки на улице Пионерской, где ступенчато, веером расположились дома.

— Как есть,— отзывается Григорий Кузьмич и ухо-

дит — приземистый, неторопкий. Гляжу вслед и думаю: «Такими людьми сильна жизнь, они ее строят и направляют. Они — образец для подражания».

«ТАК ГДЕ ЖЕ «КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ»!»

После цехкома Альберт заметно переменился: проще, расположительней стал. Даже снизошел до художественной самодеятельности. На концерте по случаю Дня Военно-Морского Флота исполнял под гитару песню «Сказка».

Пел задушевно, а глаза выражали печаль.

С превентором не очень-то проявишь свои способности. Он в расчете на первобытную мускульность.

— Буду поступать в нефтяной техникум, — решил Альберт. — Превенторщик — не профессия, а разведка ее.

— А мореходка? — напомнил я.

— Мореходка — в прошлом. Но не жалею, если определилось сухопутное призвание. Окончательно еще не определилось, но что-то такое есть. Обозначилось. А как и почему обозначилось, тебе известно.

— Не жалею, — поддержал я. — Жизнь мудрей и порядительней наших благих порывов, чего по молодости не возманишь. Сейчас ты и здесь гож. На монтаже буквально преображаешься, хоть картину пиши с тебя в этот момент.

Водружали как-то превентор на колонную головку — метра на полтора торчащую из земли трубу. Трактору и крану, особенно крану с его стрелой, мешали спуско-подъемные мостки. Пришлось тащить превентор волоком, приспособив троса и тросики, с риском порушить задвижки, отсекатели. Темные вопрошающие глаза

Крайнева неотрывно нацелены на превентор. Лицо искляксано грязью, а голос обрел властные верховодные тона — совсем другой человек. Умело направлял действия: «Стоп! Давай! Давай! Кто не взялся, тому легче», весь как натянутая пружина. При этом раскрылья носа раздувались трепетно, подрагивали.

Другой раз переправляли в насосную громоздкий пожарный ящик. Альберт отогнул толь с боковины и толкнул ящик трактором по доске-покату. Металлическая крышка хлопнула его по руке, изрядно рассадив мякоть.

— Больно? — участливо спросили.

— Конечно, больно, — ответил Альберт и как ни в чем не бывало продолжал двигать «дредноут» с песком.

Постоянно что-нибудь конструировал, изменял, и хоть частенько проекты оставались невоплощенными, цепкость ума подкупала. Мысль все время таилась немым притаенным зверьком в глубине глаз, готовая в любой момент дать неожиданный результат. В самом деле, Крайнев был способен на большее, чем наше ремесло.

Нигде так не раскрывается человек, как в работе. Крайнев в работе раскрывался выгодно, не в пример прежнему.

Как-то в День молодежи, когда управление праздновало, позвал меня на буровую менять клапан масляного насоса. Исправили дефект. На уровне буровой скользила луна — огромное, бледное око. Вот она поравнялась с вышкой и уже с другой стороны показала краешек.

Альберт усмехнулся:

— Мне почему-то луна всегда женщиной-озорницей представляется. Все женщины — озорницы, — метнул носком флотского ботинка подвернувшийся камешек,

вспугнув с прогретой бетонки задремавшую чайку. Птица метнулась белым лезвием, мелькнула сполошно в полусумраке и сгинула.

— Где же все-таки красивая жизнь?

— А Самотлор? Может, это и есть истинная красивая жизнь. Все дело в том, как понимать ее... Помнишь, у Пришвина в «Незабудках»: «Если человек любит и поступает по любви, то, наверно, это будет красиво, и будет красивая жизнь, и красота будет живой». Значит, красота произрастает из любви, а любовь — чувство приобретаемое...

— Высокие материи,— голос Альберта протестующ, резок.— Жить хочу как вот факел: чтоб выплеснулся, пропыхнул — и все! Амба!

— Факел — бедствие. Не гонись за эффектами.

— Я? Гонюсь?! С чего взял? Ты думаешь, просто отринуть мечту, все, что томило и волновало? Тоскую о море, но сполохи, гремящие круглые сутки буровые, город-господин на Оби не отпускает.

— И Лида,— напомнил я.

— Лида больше всего. Но не только она, теперь не только. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Между двух искушений легко ли?

Откровенность всегда сближает. После таких душевных объяснений мы еще больше подружились. Я был убежден, что разлад в Альберте миновал. Хандра? Так это мимолетный всплеск.

Как-то он предложил мне съездить за брусничкой. Подсели на каротажную машину и долго тряслись в будке, как в порожней консервной банке. Возле места, куда земснаряды моют песок для тела бетонки, углубились в лес. На мшаге между деревьев — тяже-

лые кисти брусники. Я таких никогда раньше не видел. Грибы встречались. Богат Саянск осенью... Но что это? Поваленный кедр. Полежало кто-то ударить колотушкой, затратить хотя бы малые усилия, чтобы добыть шишек, сгубил дерево. Альберт нахмурился:

— Такому красавцу цены нет. Судить кедробийцу надо.

Рядом, за плотной хвойной стеной, экскаваторы, бульдозеры, самосвалы сливали мощный гул — теснили тайгу, а здесь было первозданно, как в инопланетном притаенном царстве-государстве. Невольно подумалось о судьбе здешней природы. Вспомнилось, как местная газета преподносила с апломбом:

На тайгу наступать, наступать,
Как на черную тень!..

Вот и наступают могучей техникой и лихим топором — чем ни попадя. С каких это пор зеленое убранство земли, хрупкое и ранимое, стало «черной тенью»?

...Рвем переспелые дочерна кисти, вдыхаем разномастные, с привкусом влаги запахи и чувствуем себя благостно-спокойно. Уже проступила желтизна на берегах, повисла паутина, напомнив о бабьем лете средней полосы. Альберт берет ягоды всей сухой мускулистой ладонью, на ладони кровяно рдеет сок. Кажется, не ягодами, куда более важным занят. Жидкие прядки разметающихся волос едва прикрывают лоб, он забрасывает прядки назад и снова склоняется над мшагой.

Вдруг словно споткнулся: снова — свежесрубленный кедр. Как павший от пули карателя мирный житель. Тут донесся треск сучьев, и в проеме стволов показался угловато-громоздкий Шаталин, за аварию с редуктором переведенный в нашу бригаду. За спиной у бурильщика ружье, тяжелый, на лямках, рюкзак с шишками. Неу-

жели? Сурово-осудительно Альберт пронзает глазами Михаила.

— Чего воззрился? У меня и секиры-то нет,— голос, простодушно-рыжеватое лицо убеждают в невинности. Шаталин садится прямо на мшагу и гладит ствол дерева. На лице крохотные, как иголкой намеченные, веснушки. Густо их, и потому лицо красновато, кажется рыжим, в глазах у Михаила неподдельное возмущение.

— Не мог я так,— без обычной подначки продолжает бурильщик.— Люблю лес как живую душу. У нас под Челябинском страсть хороши сосняки, выберешься к озеру — бла-гость...

В Михаиле чувствуется первозданно-русское, размашистое. Кажется, что вырвали его из давних российских времен.

Перед каждым выходным Шаталин во всеуслышание объявляет:

— Завтра сбросимся по рублю.

Это значит — со свояком Васей попарятся в городской баньке, после чего пропустят по маленькой и споют «Из-за острова на стрежень».

Случилось, вахты с автостанции завернули на медэкспертизу. Шаталин как раз после «легкого пара», вдохнул в себя воздух и призадержал. Врач: «Что такое? Или грудь слабая?» — заподозрил, видать, хитрость. «Какая слабая?!» — расправил мехи уралец, и пробирка с ваткой на конце едва не стрельнула в стену.

Похмелье показала медэкспертиза. Уральца — на разбор. Отсрочили квартиру, очередь на машину, «тринадцатой зарплаты» лишили. Крупно попал в немилость.

Справедливости ради замечу, Михаил не возмутился, а наоборот:

— Сам виноват. На буркоме заявил: «Что же, в вы-

ходной и выпить нельзя?» Подзавел, и вкатили мне на полную катушку. Машина — ерунда. Квартиру жаль.

В его былых похождениях проблеснула история про цыган, с которыми поспорил однажды. «У меня,— заявил вожаку табора,— взгляд такой, любого пса ужимает». Сгрел за загривок злюку-волкодава, тот и хвост поджал. Мало того, вызвался пешком обогнать вожака на лошади. Кобылка у цыгана горячая, пока ее, разогнавшуюся, вертал со стометровки, Шаталин — на финише.

Пришлось вечным странникам откупорить баклажку с первачом-самогоном.

У Михаила сын-третьеклассник. Он появляется из лесной чащи с лайкой серо-каштанового окраса, за ними прихрамывающий, с палочкой дед.

— Пап,— солидным, прорезающимся баском оповещает Шаталин-младший,— дядю Петю гостевать зазываю.

— Ну-к что,— в тон согласно кивает Михаил,— заходи, Макарыч. Вспомним, как с белыми воевали.

Дедок чуть усмехается в жесткие седые усы. Он сторож с опорной, в четыре тысячи метров скважины — геологи торопятся узнать: есть ли нефть в глубинном пласте девона.

— Вишь, угрохали,— показывает Михаил на кедр.— Вот где требуется дозор. С пулеметами и пушками, с капканами, самострелами хантыйскими.

— Ах-ха,— наморщенной, с отрубленным указательным пальцем ладонью скрывает зевоту дедок, и я почему-то заподозреваю его в содеянном. Но дедок столь же бесстрастно разматывает вязкую ниточку речи.— Вашего брата сыщиками не устроишь и капканов,

самострелов не напасешься. Валом валите с одною прогнозою: «Не в свой чертог вступаю, хочу — крушу, хочу — милую. Матка не научит, дитя не уразумеет, миротворно напакостит».

Вспомнилось: «На тайгу наступать, наступать, как на черную тень!» Прав дядя Петя: матка не учит, дите пакостит...

Последнее время заметно активизировался наш мастер Володя, ускоренно сдавал скважину за скважиной, словно не твердые породы дырявили — репу. Давнули — и готово, есть! Володя в именинниках. Обрядившись в белый мотоциклетный шлем, гонял на Иже с Самотлора и обратно. Спал урывками, свернувшись калачиком. При стуке двери ошалело вскакивал — глаза воспаленные, налитые кровью, принимался кричать в рацию: «Центральная! Центральная! Дайте диспетчера!» И когда диспетчер отзывался, требовал бурильных труб, песку для подсыпки площадки, еще чего-то. Устремлялся к буровой. Там жаждавший реабилитироваться Шаталин подгонял своих, торопил, ночь напролет у лебедки... Рассвет касался верха запотевшей буровой, и вот уже солнце струило живые дорожки бликов.

Володя бросал отсутствующий взгляд на облачка, лазурь, блики... «Поднажмите, ребятки!» — призывал. В заношенной кроличьей шапке, у которой одно ухо свисало до плеча, другое торчало вверх, с диковатыми глазами, являл саму одержимость. В желании победы нас подстегивал и сам, натянув рукавицы-брезентовки, крутил, двигал вместе со всеми тонкими подростковыми руками. Стал предприимчив. Один раз при монтаже обнаружился излом масляной трубки превентора, и Володя, вооружившись электродержателем и щитком, принялся штопать излом. Искры брызгали, дырявили его новенький болоньевый плащ, но мастер весь был погло-

щен сваркой. Удачно наложил латку и радостно спросил: «Ну как?» — «Весьма», — резюмировали мы, довольные тем, что отлегло у бригадира от сердца.

Себя не щадил в работе Володя и другим поблажек не давал. У буровиков отгул, а мы превентор ставим, колонную головку или ремонтируем что-нибудь. Ни одной минуты впусую у такого мастера.

Он изрек афоризм, который облетел весь Самотлор: — Страшится рекордов тот, кто не верит в себя!

Взялся тоже пробурить 80 тысяч метров, но вначале складывалось неудачно, обязательства по разным причинам, как говорится, «трещали». Володю, невзирая на молодость, «пробрали» на партбюро, в местной газете, и он в то время бывал нервозным, суетливым, дерганным каким-то.

Мало-помалу старания принесли результаты, и в начале осени мы переплюнули самого Григория Кузьмича — набурили за месяц 6200 метров. Последнюю скважину сентября особенно эффектно форсировали, мелом помечая на стене культбудки: «Осталось бурить 600... 300... 150 метров...» Лучшая из вахт — Шаталина: Михаил все-таки показал, на что способен.

Тотчас на кустах появились «молнии». С наглядной агитацией в управлении поставлено четко, малейшее событие фиксируется незамедлительно. Не обошли вниманием и это, было торжественное собрание в красном уголке. Свободные от вахт люди пришли принаряженные, а только что появившиеся с буровых — в спецовках, сапогах-болотниках.

Выступали Исянгулов, Самаркин, Петров... В разгар собрания распахнулась дверь, и стремительно ворвался Володя — он задержался на буровой, полы его простреленного электросваркой болоньевого плаща круто раздувались, на кирзачи налип раствор.

Володе тотчас дали слово. Он взбежал на трибуну и распространился о... недостатках, мешающих досрочному выполнению сообразительств. «Свести простои до минимума», — таковым было мнение Володи. Сам Исянгулов улыбался ему, поставив в пример другим, на что Григорий Кузьмич заметил иронично:

— Цыплят по осени считают.

Бурение — это всегда ринг, где взлеты и падения неожиданны. Победителя приветствуют, но стремятся превзойти. Мне таким образом посчастливилось наблюдать рождение еще одного мастера — из тех, что приняли эстафету от старших и шагнули дальше. Наблюдать в буднях, как, запасшись «Беломором», Володя сутки, недели проводил на Самотлоре, вскакивал среди ночи по тревоге и мчался к вышке.

В целом свойский, без высокомерия парень. И все искренне радовались тому, что буквально за месяцы прославился, прочили его в депутаты горсовета.

В бурмастера Володя попал уже с хорошей репутацией. До этого был помощником у мастера — Героя Социалистического Труда. Научился самостоятельности, организационному умению и умению требовать в мелочах.

Помню, вез он с буровой два вилка капусты, очень дефицитной в пору северной весны. Впереди ждали отдых, свидание с семьей, и, казалось, все заботы Володи остались на буровой. Вдруг он обернулся к Шаталину:

— Придется те дни отработать.

И назвал, какие именно дни.

Дотошность — одно из свойств Володи. Касается ли дело обвязки устья скважин, учета бурильных труб или самого процесса бурения: когда и как сменить долото, соблюсти качество раствора. При монтаже превентора

десяток раз появится, все доглядит, проверит. Придирчивее самого инспектора Ветвицкого.

После выполнения сообразительств бурмастера не узнать: спокоен, добродушен, общителен. Не прочь вспомнить туристическую поездку во Францию, Париж и парижан, виды из ресторана на Эйфелевой башне, Канн и Марсель. Мол, ничего не скажешь — хорошо, но нет такого напора жизненного, как у нас. Одрахлещь душой.

Как-то ночью мы с Альбертом ожидали, пока спустят и залиют цементом кондуктор, спали на ледяном полу культбудки. Володя увидел нас, и лицо страдальчески сморщилось: «Переходите-ка в мою половину на койку, а то схватите простуду». Заняли мы ложе, укрылись красным стеганым одеялом. Много времени утекло, а помнится та ночь и красное стеганое одеяло...

...Не подозревали о близком ЧП — потере ствола скважины. Неделью-другую не вызывают нас на монтаж — что такое? Отправляемся узнать. Шаталин только что после ночи, хмур, суров, губы плотно сжаты. Но деловитость прежняя, и растерянности нет. Объясняет: третий раз забуриваются в поисках ствола — и безрезультатно. Почти месяц безуспешных попыток. Володя безвыездно на буровой. Уехал, лишь когда Шаталин сообщил:

— Баста! Нашли ствол.

Володя сходил, удостоверился и вдруг сразу успокоился, стал сонливым. В автобусе дремал, голова запрокинулась назад так, что расстегнувшийся на подбородке мотоциклетный шлем чудом удерживался. Через пять часов он уже на кусту. Там же помощник-новичок. Авария случилась при нем, но мастер не упрекал и без

того удрученного новичка. Как я заметил, Володя вообще не отзывался о людях плохо. Даже в самые критические моменты не спешит со скороспелыми, под горячую руку, оценками.

Для него самое главное — дело. После аварии я утешал Володю:

— Наверстаешь потерянное.

— Обязан наверстать, — отозвался воспрянувший мастер. — Наверстать и пойти дальше.

Отпуск ему полагался по графику, но отнекивался:

— Метров мало, да и помощник неопытный. Как одного оставишь!

— Но ведь придется же оставить.

Молчит Володя, дымит папиросой и заминает эту тему воспоминаниями о Франции. Лишь просьбам жены уступил: ей потребовалось подлечиться.

В первый день отпуска буровой все-таки не миновал: явился на монтаж превентора и тотчас связался по рации с диспетчером:

— Присылай кран поднять фонтанную аппаратуру, а то скважина останется открытой. Как хочешь, я разрешения на монтаж не дам. Что? Трейлер?! Ну, трейлером займись сам: мне кран надо...

Под утро приехал инспектор Ветвицкий. Излюбленный «Интер» уже не курит и вообще не курит, анекдотов не рассказывает, молча похаживает да поглядывает. К шпилькам на фланцевых соединениях придрался, не принимает монтаж. Едва Володя умолил его, а сам потом насел на нас и, пока не перекрутили каждую гайку, следовал по пятам — второй Веревкин, — твердил: «Остановит инспектор буровую, где потом метры возьмем? И без того штрафились. Какие после этого соревнований?» Второй отпускной день тоже провел на буровой.

Вот и рассуждай о героизме мирных дней. Он и такой, прозаичный: не порыв, не мгновение, а каждодневное, порой и круглосуточное действие.

Когда сказал об этом Альберту, он развил свою концепцию на этот счет:

— На войне героизм — крайность, как у матроса на Шум-Шу, закрывшего собой японский дот. Бросок, мгновение — бессмертие незакатной вечности. И как всякая крайность на грани смерти такой героизм острее и заметней. У нас нет дотов и траншей, по нам не стреляют, всего лишь нависает производственный план, обвязаны его выполнять. Ведь тоже своего рода приказ, требующий самопожертвований. Возьмем хоть бы Петрова или Левина, нашего Володю. Где нефть, где нужней всего, там и они — в горах, тайге, на болотах. А на Самотлоре тут для плана побольше кое-чего требуется... Возможно, — нашел себе подтверждение Альберт, — максимум терпения и энтузиазма, особенно с учетом отдаленности и темпов. А темпы... Они меня по головке стучали, знаю.

Неожиданно заключил:

— Героизм — это делать сверх возможного!

Можно бы удовлетвориться, но, суммируя мнения, я дополнил:

— Героизм на Самотлоре проявляется и рывком, враз, как, например, это бывает при газонефтяном выбросе — пламя и камни, ты в пекле преисподнем; или же повсечасно, обыденно. Самотлору больше присуще последнее. Здесь героизм — честно выполнять обязанности, не паниковать и не расслабляться перед трудностями. Целиком отдаваться производству. «Надо!» — значит «Есть!». Самотлор — фронт мирных дней.

Минувшая весна никак не переходила в лето. Собственно весны и не было — холода, слякоть. Ледоход тоже затянулся. У строителей города кончились материалы, поистожились магазинные склады, а баржи с грузами ждали навигации в Тюмени.

Тронулся лед семнадцатого мая. Он пошел двумя сплошными грядами. Между ними — полосы чистой голубой воды. Туда смело заплывали моторки и лезли днищами на лед. Тот смирный был, усталый какой-то, не громоздился торосами. Должно быть, оттого, что залежался под водой, утратил напор.

Навстречу ему по гребню реки, образующему горизонт, уже выказались первые суда — вестники навигации. Народ на берегу радостно приветствовал их.

Лето под стать — без солнца, с частыми затяжными ливнями. Грязь и сумрак, не мечталось даже искупаться, позагорать, спешили за такими прелестями на юг. Те, что оставались, жили работой. Самоглот действовал, как прежде, боевит и энергичен. Добавлялись новые скважины, струилась по трубопроводам черная маслянистая жидкость, и в прозрачном болотном мареве грохотали буровые.

Первый День нефтяника отмечали десять лет назад в Урае. Тогда бригад было три, а теперь в несколько раз больше, контора переросла в управление. Неизмеримо поднялись проходки. Сами буровики освоились на Севере и оперируют опытом больше сибирским, нежели былым, большеземельным. Стали они сибиряками. Дети их — коренными сибиряками.

Все это как бы итожило торжественное собрание: пришли на него бурильщики, помбуры, слесари, инженеры. Петров, Исянгулов со звездами Героев на лацка-

нах пиджаков — в президиуме. Без лишнего пафоса, в меру эмоционально Самаркин читал доклад — биография управления представлялась живой историей нефтяной Тюменщины.

Самаркин знал это не понаслышке. Впервые попал в Западную Сибирь студентом-практикантом, обжился в ней надолго. Слесарь по ремонту бурового оборудования, дизелист на буровой, механик, главный механик — его послужной список. В работе забывал об оплате и отдыхе, не гнался за привилегиями. Потому крепко уважали Самаркина-производственника. А сейчас уважают партийного секретаря?

Мы близко знакомы с Петром Михайловичем.

— Перемену, как ты знаешь, вначале воспринял не с восторгом, — пооткровенничал однажды. — Однако начал работать. Помог заменить бездеятельного комсомольского секретаря, поставил перед Исянгуловым вопросы жилья, премий, детсадов. Пища, как известно, даже самая полезная, усваивается не сразу, а кость растет с той стороны, на которую нагрузка. Были конфликты, противодействия.

— Я это знаю, — сказал я Самаркину. — Ты искал, Петр Михайлович, опоры в нас, коммунистах с производства, из низов. Создал партгруппы. И у нас теперь в звене, с приемом Альберта, есть такая — из трех человек.

— Больше того, — оживился Самаркин, в этот момент снова став похожим на юношу: вихор упрямо торчал на макушке, и очки в пол-лица величиной нисколько не старили. — Я оперировал и оперирую вашим мнением перед Исянгуловым, сам знаешь — властный, привык единолично решать Абзалитдин Гизятуллович. Раньше рабочих в бригадах тасовали, как хотели, даже распускали партгруппы. Ну а теперь за такие штуки

выскакиваем с администраторов, поправляем их строго. Так в смывке с массами воздействую.

— Верно,— согласился.— Точной науки о том, как работать с людьми, нет, формы и методы разнообразные.

— Применительно к конкретной обстановке,— подхватил Самаркин, по привычке махая очками возле лица, в горячности оставаясь похожим на юношу,— Шаталина за аварию с редуктором наказали, но тут же назначили ответственным по технике безопасности. Резонно! Глубже осознал вину и не пал духом; в бурком ввели вашего мастера Володю, Альберта Крайнева заинтересовали самодеятельностью, и он перестал хандрить. Я так скажу, партийная работа — человеческая...

Осенью, когда снег просекал острой крупной, в линиях-выкидах схватился раствор, потребовалось его отпарить. Альберт в то время отдыхал, как он выразился, «за семью меридианами» — у Черного моря. Вдвоем с Федей вышли на монтаж.

Умотали нас выкида. Вставляешь в трубу толстый резиновый шланг и давишь в спекшийся кремнем раствор. Пар, вырываясь, влажнит насквозь спецовку, словно только что из горячей воды брюки и куртка. А на ветру дубеют, стесняют движения, как в водолазном скафандре в них. Самаркин посоветовал: «Выбросьте замороженные трубы». Облачился поверх легкого фланелевого пиджачка в длиннополый дождевик и смело подставлял плечи под тяжести, ломом выковыривал лед из задвижек. Как не уважать такого партсекретаря? Утвердился Петр Михайлович и на новом полрише.

И вот он делал доклад — с плавными переходами, обобщениями. Нестандартно. В темноте вечера за окном клубились облака, но кое-где в разрывы упрямо

проблескивали звезды, ласкалось к ним зарево Самотлора, и все дальше за Белое озеро отодвигались буровые.

Летом в жару вагончик Альберта раскалялся до того, что больно было прикоснуться к железу. Ночью открыть окна комары не позволяли.

Накануне отъезда Крайневых в отпуск собралась гроза. Парно, душно стало в вагончике, в окна скреблись тучи гнуса. Вскоре разразился ливень такой убойной силы, что срывал провода электролиний, останавливал автомашины. В массе падающей с небес воды яркими вспышками лопались электрические заряды, крыша вагончика гремела и прогибалась под дождем. Казалось, природа хотела повымести, повычистить разом застоялую духоту. И точно, в вагончике посвежело, просветлел воздух улицы, все заблестело, заискрилось. Гнус исчез, и Лида подняла стекла окон. Легче, свободней задышалось, Альберт повеселел, собираясь в путь-дорогу.

Добрым было предзнаменование.

И вот — море. Распахнулось игривым простором. Берег настолько пологий, что казался плоским. Волны избегали без усилий. Берег заманивал их, и они, неугомонные, услужливо омывали галечник, как гребешком причесывали.

Штиль... Лишь движение прибоя влекло воду, она вздувалась упруго, пузырчато, столь малозаметно, что казалась гладью. В голубовато-прозрачной, тягучей глубине зонтиками без ручек покачивались медузы. Море не было черным, скорее белесо-дымчатым, в тон студенистым медузам. И еще оно с зеленой, подобной Лидиным глазам. Располагало к покою. Вспомнил, как ярились дальневосточные воды, шибали в борт ката-

пультами, предвещая шторм. А здесь — мягкое, шелковистое, словно в большой чаше приголубленное исключительно для услаждения отдыхающих.

В мерном ропоте прибоя сделался Альберт безмерно счастлив, все, что доселе тяготило и тревожило, улетучилось. Сбросив туфли, он присел на край бетонного бруса-волнолома, сохранявшего берег от размыва. Брызги кололи, щекотали натруженные ступни, волны касались — шаловливые, как котята.

— Искупаемся, — предложил Лиде.

Но ей вдруг сделалось дурно. Тошнота подступила к горлу, на лбу выступил холодный пот. Она сломилась в поясе. А в самолете чувствовала отвращение к еде. И ее осенило:

— Алик, у нас будет ребенок!

— Сын! В честь деда Крайнева назовем Василием! — Он подхватил ее на руки, закружил. В этот момент любил жену еще больше, очарование морем потускнело перед нею — родной, близкой. С новой в ней жизнью.

...Курчавились, источали сладковатый дурман пальмы и скорбные, как монахи в сутанах, кипарисы, густеющие вечнозеленые переплетения по склонам гор. Огромное испепеляющее солнце повисло в пустыне неба, и ни дождинки. Совсем особый мир. Были поездки на мыс Пицунда и к скале Киселева, в Сочинский дендрарий со всем его разнообразием природно-растительных зон, были прогулки морские на теплоходе «Россия».

В двенадцати милях отсюда бороздили нейтральные воды чужие суда, их пропускали во все стороны света проливы Босфор и Дарданеллы. К Кейптауну, мысу Горн, Бермудским островам — к тому желанному, чем грезил когда-то. Отныне планы Альберта прочно связа-

лись с Нижневартовском. И уже тяготился отпуском, свежие силы требовали приложения. Значит, пора!

По пути завернули с Лидой в Бавлы, где провел детство. Поселок на границе с Башкирией был тих, уютен и почему-то... чужд ему. Познав стихию моря и Самотлор, Альберт хотел теперь стремительной жизни, где каждый день значителен, где каждый час — борьба. Вдвойне был счастлив тем, что нашел это вместе с Лидой и нашел Лиду в сложной, пусть порою и жестокой жизни на Тюменском меридиане.

ПОБЕЖДЕННЫХ НЕТ

Петрова непросто застать на буровой. Читаешь его выступления в газетах, слышишь по радио, а самого Григория Кузьмича, увы, не увидишь: то он в Москве на профсоюзном съезде, то в Саратовском нефтяном техникуме на экзаменах. Только вернулся с учебы — оставили на сессию областного Совета народных депутатов. Измаялся я в ожидании и, махнув рукой, отправился в бригаду. Попал в вахту Гумара, от него и узнал про хозрасчет. Каково с ним?

— Нет порядка, — буквально огорошил бурильщик-ушач, — факир был пьян и опыт не удался... Так получилось: мы осваивали скважины, а другие бригады в это время гнали метраж. Подряд должен быть для всех, и чтобы смежники были заинтересованы, ответственны — на равных с буровиками. Только тогда может сойтись хозрасчет по-злобински...

Куст — километрах в тридцати от города, у озера Колуэнтор, из которого насосик, вблизи похожий на старательного труженика-гнома, жужжа, исправно качает воду. Вода в озере темно-синяя, с огненными прослой-

ками — отсветы зари упали. И так будет до утра. В эту пору почти не темнеет.

...Не поймешь — ночь ли, день ли. Все та же бесцветность да свежести прибывает. Гумар склонился у лебедки, как бы невзначай принажимает рычаг, бурильные трубы то замедляют, то ускоряют скольжение вглубь. Стрелка прибора показывает 1800 метров.

Бурение... Растворный шланг над головой Гумара напряженный, весь как живой. Вздрагивает. Сто пятьдесят атмосфер в нем. Вместе с таль-блоком, с квадратом — четырехгранной ведущей штангой — ближе, ближе к полу. Вот уже вровень с ротором, и Гумар зажимает трубу клиньями, словно чьими-то выступившими из ротора ладошками. Нарастивает две следующих бурильных, и опять скользят они в разжавшихся клиньях-ладошках, опять Гумар склоняется у лебедки. Так много раз.

Точен в действиях, чувствует и это малозаметное скольжение, и долото на двухкилометровой глубине. Спокоен, деловит, сосредоточен. Между делом рассуждает:

— Вообще-то мы заинтересованы в подряде, нам за соблюдение пунктов договора полагается премия. Да когда б факт, а не реклама... Срывы из-за смежников и снабженцев. Поэтому хозрасчет распространять надо не только на буровиков — на всех.

Одинакового мнения помбурь.

О подряде в бурении Григорий Кузьмич говорил в главке при награждении Главтюменьнефтегаза орденом Ленина: лихорадят, сбивают с ритма смежники, борьбу за сокращение сроков строительства скважин следует вести сообща — дружно, без ведомственной разобщенности. Все — от дорожников до вышкарей и строителей — должны стремиться к конечной цели: сда-

че кустов промысловикам. Тогда подряд сторицей оправдает себя. Но Исянгулов не всемогущ, требуется вмешательство свыше, потому и воспользовался торжественным собранием...

Григорий Кузьмич долго не покидал трибуну. Терпеливо растолковывал, делал подтверждающие выводы в пользу хозрасчета.

— К тому же засыпаются освоены, мы обязаны помочь им, сделать освоение со станка привычной необходимостью. Тогда можно будет мерить результатом — нефтью. Заводу ведь безразлично, сколько груза перевезут его автомобили без капитального ремонта и в какие сроки. При хозрасчете лучший в соревновании тот, кто раньше и качественней сдаст кусты... Допускаю вариант, — обмолвился мастер, — цех освоения — в роли субподрядчика. Это не отступление от подряда, а дополнительное звено в его системе. У Злобина ведь тоже есть смежники: газовики, сантехники, сваебойщики. Аналогичное и у нас в бурении.

Похоже, не убедил, отвечали уклончиво, вроде «поживем — увидим».

— Ничего, Кузьмич, — подбодрил Гумар, дружески положив на плечо широченную ладонь. — Не сразу Москва построилась, не тотчас космический корабль взлетел...

...Григорий Кузьмич выступил в газете, снова, как на собрании в главке, заостряясь на промежуточных звеньях, из-за которых упускают главное: результаты конечные — то, из-за чего весь сыр-бор. Проходка за пятилетку выросла на 26 процентов, а время полного цикла строительства скважины осталось прежним — 245 дней. Выигранные часы и сутки теряют на освоении, обвязке, демонтаже буровой и т. д.

«Иначе бы промысловики от одной только нашей

бригады без дополнительных затрат имели свыше миллиона тонн нефти,— писал Григорий Кузьмич.— Изменив организацию труда, мы значительно сократили пуски, производительность подскочила вдвое, но смежники сводят ее на нет.

И все-таки игра, как говорится, стоит свеч. На озерном кусту сделали скважины своевременно и сэкономили при этом пятнадцать тысяч рублей. Вторая удачная попытка подряда дала 50 тысяч рублей экономии и приличное вознаграждение бригаде.

Но один-два куста погоды не делают. Наш малый опыт не выявил все достоинства хозрасчета. На мой взгляд, инициатором в этом должно стать нефтепромышленное управление — заказчик. Оно заключает с бригадой договор и снабжает нас трубами, арматурой, колонными головками, ибо конечная цель (я подчеркиваю: конечная!) — сдача управлению куста.

Взаимные обязательства заставят подтянуться все предприятия и организации — соучастницы на скважинах, сделают подряд обязательным для каждой из них, а пока мы... одиночки. Нам нужны помощь и внимание.

Петров появился в добротном костюме, шелковой цветастой сорочке (не то, что два года назад осенним пасмурным днем — в белесом застиранном плаще и резиновых сапогах), волнистые волосы тщательно ухожены. Он только что с сессии областного Совета.

— Специализация не оправдала себя,— в тон Гумару без тени сомнения заявил.— Мне заместитель начальника главка Сафиуллин сказал: «Я на освоение любого мало-мальски способного поставлю, на бурение — нет. Смотри, у Левина за полгода 35 тысяч, у тебя — 25. Догоняй».

— Но освоение еще не весь бригадный подряд,— живо возразил я.— И у Злобина есть субподрядчики.

Ты же сам писал и твердил не раз, что успех решает сдача кустов. Что толку с незавершенки! Да вот и на съезде профсоюзов...

Я процитировал из выступления:

«Если бригада ответственна за весь цикл, она стремится сократить простои и побочные операции, заинтересована форсировать весь цикл. В этом направлении мы продолжаем эксперимент...»

— Твое — тебе же. Лишь недельной давности, — прокомментировал. — Свеженькое.

Григорий Кузьмич долго молчал. Потом, как мне показалось, через силу выдал:

— Не созрели еще условия. Лишь вмешательство главка и ученых поставит хозрасчет на прочную основу. В масштабе одного управления это — самостоятельность.

Я обратился в главк к Сафиуллину с тем же.

— Намерены распространить опыт Петрова на всю Западную Сибирь, — обрадовал заместитель начальника Главтюменьнефтегаза. — Свяжитесь с заведующим отдела НОТ Всесоюзного научно-исследовательского института Коноваловым, — и назвал координаты.

И вот знакомлюсь. То ли по натуре он такой, то ли слишком увлечен своим, шпарит без пауз, собеседнику невозможно что-либо вставить.

— Да, специализация не исключает подряда, наоборот, предполагает, — подтвердил Коновалов. — В бурении его уместней назвать «эстафетой» или «бригадным потоком» — применительно к специфике. Требовалось найти форму, которая бы охватывала весь комплекс, не одно только бурение. Для этого досконально изучили последовательность и взаимосвязь операций (Коновалов именовал их этапами). В среднем весь цикл — 245

дней, из них около половины занимают окна — разрывы между этапами.

Чтобы избежать потерь, обустройство куста передвинули наперед, совместив с бурением. При этом учитывали опыт Петрова. Нашему отделу удалось свести хозрасчет в единую желанную сцепку, выработать типовую документацию, вопреки разногласиям и стихийности. Один Петров в масштабе управления заведомо был обречен на поражение: смежники начисто съедали «припек» бригады во времени.

— Так почему поражение?! Победа! Положил начало подряду в бурении, заставил встряхнуться и поразмыслить кое-кого, — успел вставить я в пулеметную строчку Коновалова. — Победенных нет.

— Так. Пожалуй, так, — спешил выложить нотовец (едва бы за ним поспела и стенографистка). — Взаимодействие организаций-соучастниц учтено сетевыми графиками. Задействованные в производство, они дадут настолько колоссальный выигрыш в добыче, что существующие трубопроводы и перерабатывающие комбинаты не справятся. Цифры предстоит проверить, но цифры уже есть, — и Коновалов назвал их.

Действительно, цифры впечатляющие. Такое приращение!

В Нижневартовске я рассказал об услышанном Григорию Кузьмичу. Оба разволновались: жив почин!

НА ПРЕЖНЕМ МЕСТЕ

...О героизме мы рассуждали с Альбертом дома у Володи за вечерним чаем. Тут же, приспособившись у стола, писала письмо Виктория. Отбеленные перекисью локоны невесомо спадали на плечи.

Володя нежно смотрит на жену и говорит:

— Теперь с ней, как нитка с иголкой.

— Только нитка я, а иголка ты,— уточняет Виктор, — гостем дома бываешь, не поспеть за тобой, любезный супруг.

Увлечение Хажбигарова лаборанткой-плясуньей истаяло после знакомства с черкешенкой Зарой, встретившейся Руслану и пленившей его здесь же, в Нижневартовске. По старому кавказскому обычаю Руслан решил «украсть» невесту, благо, общежитие, где жила Зара, напротив нашего «двадцатого». Руслан подкатил на «Жигулях» Виктора Васильевича Крайнева, отца Альберта, Зара вышла к нему — и сразу в загс. Преследовать и возражать было некому, так как родители пребывали в родной Черкессии. И почему бы им возражать, Руслан парень хоть куда.

Сценарий похищения был скорее шуткой, может быть, сюрпризом для подруг Зары по комнате и всей нашей бригады. Наделенный изобретательностью и чувством юмора, Руслан и на этот раз отличился.

Виктория долго не терзалась, Володя давно питал к ней симпатии, и дело сладилось быстро.

Таким образом, личные коллизии моих товарищей определились, но не определились производственные. ЧП похлеще потери ствола — фонтан! — отторгнет Володю от бригады, подтвердит реплику Григория Кузьмича: «Цыплят по осени считают».

Что ж, в северной суровой реальности не одни только удачи. Фонтан, обернувшийся для Володи крупной неудачей, это будет потом, позже сместят Володю...

...А пока пора на отдых. Завтра Володя, как всегда поднимется в пять, и, как всегда, будет он узнавать по телефону у диспетчера: как там на буровой? Натянет

кирзовые сапоги и спорым шагом отправится на авто-
станцию. Так до отпуска, до самой пенсии.

— Пока хватит сил, буду в бурении,— сказал в тот
вечер.

К концу осени бригада по примеру Петрова сдала
шестнадцать ею освоенных скважин.

— Могли дать больше,— посетовал Володя,— не-
хватка кустов и станков. Из-за этого создаются простои.

На буровой только что сменили долото и начали
спуск буринструмента. Верховой специальным крючком,
как скользкую крупную рыбину, хватал «свечу» — две
спаренные трубы, крепил в элеваторе, и почти одновре-
менно Михаил Шаталин включал автоматический кру-
говой ключ. Словно истосковавшийся по добыче, ключ
хватал «свечу» пастью и принимался вращать до тех
пор, пока бурильщик не размыкал челюсти. На беше-
ной скорости ключ отскакивал, чтобы напасть снова.
Но за это малое время Шаталин опускал «свечу», и
операция с наращиванием возобновлялась. Лениво из-
гибаясь длинными, тонкими телами, тускло отблески-
вая, трубы одна за другой уходили в глубину.

Над запотевшей буровой мытое-перemyтое дожда-
ми небо с легкой просинью. Тонкая пленка облачности
и при ясном небе ухитрялась остаться, грозя непогодой.
В отдалении привядшие листовые лески. Осень! За
половину года перевалило. А успеть надо еще многое —
еще пять скважин до конца года освоить. Опять заме-
чается в мастере нервозность.

Привозят трубы, и девушка-экспедитор просит Во-
лодю подписать накладную, но он противится:

— Неодинаковой длины, есть короткие, а вы их все
под общую гребенку считаете. У меня же недостача бу-

дет. Сегодня сто метров да завтра двести, смотришь, и набежит тыщонка. Откуда ее восполнить, из каких погребов? Измерьте, пересчитайте точно, тогда подпишу.

— Неужели каждую измерять, пересчитывать? — удивляется девушка.

— Именно каждую, — Володя берет рулетку и лезет под трубовоз, аж под самые колеса. — Вон они, короткие трубы, всего лишь по семь метров. Целый выводок.

— Я что, специально их подбирала? — возмущается девушка. — Не хотите брать, обратно увезу!..

— Везите, — отвечает Володя, — без труб не оставят.

Девушка начинает всерьез нервничать: то краснеет, то бледнеет, но Володя неумолим. И сбить его невозможно, он на своем коньке. Мелочей для него нет. Вот и с трубами тоже.

— Никто не считает, не меряет, — чуть не плачет девушка, — один вы придираетесь. В другой раз лишнего, если хотите, подброшу.

— Лишнего не надо. Это не частная лавочка, а государственное предприятие, — доносится из-под трубовоза.

Девушке видны кирзовые сносившиеся сапоги мастера. На них и направила разгневанный пристальный взор.

— Вы что?.. Вам больше всех надо?..

Кончается тем, что машина отбывает порожней и без экспедитора. Покорившись судьбе, девушка вместе с Володей измеряет и считает насосно-компрессорные трубы, похожие на огромные макароны.

Дело было на рассвете. Я присел на крылечке культбудки подышать свежим утренним воздухом, как вдруг

грянул реактивный гром и стал постоянным, непреодолимым, словно Ту задержался в полете. Увидел бегущую вахту Шаталина: выброс! Газовый вихрь с песком и шламом — с пушечное ядро камешки — выстреливал из-под буровой. Я метнулся закрыть превентор, в суматохе забытый вахтой, но поздно, стихия разъела за движку.

Так начался выброс, за который и сместили Володю с мастеров. Это случится после комиссий, разбирательств, а пока что он неотлучно здесь — похудевший, обметанный щетиной. Вызвал по рации памятного по давней передвижке бригадира вышкарей, прямого, как карандаш, с коричневым носом, да вдобавок в длиннополой, до пят, при его анекдотически малом росте, куртке. Но вот тот крутнулся, распорядился, и уже на отсыпанном по соседству в спешном порядке «пяточке» — благо, глубина полметра — споро начинает расти новая буровая. Людей и механизмов на «пяточке» — не протолкнешься.

Задача, — смонтировав вышку, подбуриться к пласту в сеномане и, закачав под большим давлением воду, гидроразрывом заглушить фонтан.

На аварии безвыездно Самаркин, возглавляющий операцию, газоспасатели из отряда по ликвидации выбросов, важные, исполненные строгости, в защитных робах и касках. Они — хозяева. Смело переходят в опасную, зафлаженную зону, к шибяющей сифоном струе. Совещаются там. А как камешком приголубит или огонек займется? Ну, боги...

Альберт смотрит на них пристальными глазами и говорит:

— Вот это занятые — да! К ним мне надо на работу, о чем раньше думал-гадал. А? Здорово? Я решил. — И он под градом шлама идет к скважине. Так,

наверное, это делают при сильном ветре моряки, закусив ленточки бескозырки. Ему навстречу устремляется, взмахивая руками, в реве и гуле фонтана исторгая невнятное: «Бе... кто... лел...» (можно догадаться: «Тебе кто велел?»), старшой газоспасателей комплекции мистера Пиквика из знаменитого романа. Толстяк бежит перевалисто, делает завидные скачки, кажется, что брезентовая роба на нем и та негодует и кричит, трясутся щеки — важности как не бывало.

О чем-то они там взбудораженно объясняются, едва ли не пускают в ход кулаки. Но мало-помалу становятся миролюбивей, толстяк пустил добродушие на пухлую физиономию, по брови скрытую каской, кивнул, как «добро» дал, — и развернулся к вышке. Оступился, упал и, рассерженный, погрозил столбу из преисподней, что застил свет.

Альберт вернулся из зафлаженной зоны довольный:

— Поздравляй, берет к себе.

— Кто такой?

— Он, — показал рукой на толстяка. — Не человек, а гребной винт. Говорит, знаешь, какое будет лекарство от головной боли? Гильотина, усечение башки, если еще раз нарушишь технику безопасности... А за смелость похвалил, берет к себе в дружину!..

— Действительно, гребной, если так сразу берет.

Вокруг все залепил грязевой дождь — в скважину пожарные машины качают воду, и она мешается с песком. Чуть зазевался, приблизился к опасной черте — окатил тебя «душ».

Буровая свалилась и, поверженная, покрывается серой клейковиной.

Пригорюнившаяся Виктория вздыхает: «Что-то Волюде будет» и пишет объяснительную, — как случилось, почему просмотрели. С лаборантки спрос за раствор

наравне с мастером. Она пишет объяснительную и через каждые пятнадцать минут берет пробы. Новую буровую уже соорудили и теперь крепят на растяжки, центруют. Мужичок с коричневым носом прикладывается глазом к прибору, как стреляет вприжмурку: определяет, нет ли перекоса, уклона. Лишь убедившись, что нет, передает вышку вахте, покидает «пяточок». Вслед за ним уходят остальные. Вот кто иголка-то! Мал золотник, да в цене.

Каждый час и минута действий расписаны Самаркиным, начальником «штаба» по ликвидации аварии. Все понимают чрезвычайность события: в центре месторождения — запальная свеча! Просмотрели, и газ выметнул им же облегченный раствор. Самая мощная «шапка» под озером.

Успеть бы! Но ударила в поверженную вышку молния. Взвилось напористое, как из брандспойга, пламя. Поутихнет, передохнет и опять с пушечными гулами как даст, даст. Земля гудит, вздрагивает под ногами, вызывая ощущение ее непрочности.

На только что смонтированной буровой хозяйничает Шаталин с подручными, все ближе подбирается к пласту долото. Двадцать метров осталось. По сигналу Самаркина тампонажные агрегаты, бойлеры принимаются нагнетать воду, им помогают пожарные машины — готовы выпить озеро. Но пламя не унимается, уже каверны вокруг скважины проело.

Утром третьего дня ворвался в штабной вагончик Михаил Шаталин.

— Гля...

Пламя вдруг резко опало, словно втянутое чьим-то мощным вдохом. Всплеснулось и опять опало. Обрадованные, все выскочили из культбудки, сплошь забросанной грязью, окон не различишь. Пожимаем друг

другу руки, друг друга поздравляем. К скважине, обличившись в каски, идем напрямик по мелководью, как библейские пророки по озерной шире: вот ведь не то-нем! Хотя знаешь, глубина — сантиметры, но волны-то взаправдашние.

Виктория следом поспевает. И у нее втянулись щеки, заострился подбородок — перенервничала. Альберт собирается писать о фонтане техникумовский диплом — как тушили, и после защиты уйти к газоспасателям. Считает, нашел свое призвание, рад необычайно.

— Лучше б их совсем не было, таких свечек, — устало говорит Самаркин и дальнейшие штабные заботы передает Володе.

— Страшное позади, справишься...

Но дневник дня диктует сам. И остается здесь до вечера, непривычно суровый, самоуглубленный. Без прежней открытости. У него накалились отношения с Исянгуловым после того, как поколебал единовластие начальника управления.

Он говорил мне:

— Когда деятельность целого управления определяется волей одного человека, пусть и авторитетного, целеустремленного, это ненормально. На первых порах в Урае автократия скрашивалась организационными неурядицами, Исянгулову следовали безоглядно, верили во всем — так и надо! Да и сам он более трезво оценивал себя, не очень выпячивал. Но партсекретари уже тогда не пользовались уважением.

Без него ни один существенный вопрос не решался. Даже, если начальник был в отпуске или командировке, ждали. Глядя на Исянгулова, подчиненные рангом ниже заболели единоличием. На своем, конечно, уровне. Не хотели ничего знать, кроме производственного плана,

игнорировали общественные организации и участие в них каждого отдельного работника.

С той же убежденностью Самаркин продолжил:

— Активность партгрупп, всех коллективных звеньев в управлении заслонил автократизм руководителей. Абзалитдин Гизятуллович посчитал меня зачинщиком, сделал все возможное для того, чтобы отдалить от коллектива. Но как можно, если коллектив воспитал меня: ко мне тянутся люди, и я к ним. В общении мы взаимно оздоравлиемся, крепнем.

Он говорил это накануне, в разгул стихии, и это придавало словам особенную значительность. Север любые противоречия разрешает борьбой. Так в споре Петрова с Левиным, так у Самаркина с Исянгуловым. Только суть борьбы различная.

— Широкое участие рабочих в управлении производством резко переменило картину,— ступил Петр Михайлович под камнепад, осколок шлама из скважины срикошетил по каске, отскочил в грязь. Он не заметил этого.— Каждый на своем участке по своим возможностям блюдет интересы предприятия. Я такой ревнительности даже не предполагал, именно в ней черпаю поддержку и силу для себя — партийного секретаря.

В секретари партгрупп и цеховых организаций избирали тех, кто действительно принципиален, всегда в гуще событий. Они вскрывают причины размораживания «железа», перерасхода электроэнергии, следят за распределением квартир и дефицитных товаров. Не только по метражу, подтянулись в спорте, художественной самодетельности. Создали методсоветы по экономической и партийной учебе, идеологический центр. Интересней стали жить, не планом единым.

Невольно и сам Исянгулов вовлекается в общую атмосферу. Но перевоспитание — процесс трудный. Тем более перевоспитание человека, привыкшего повелевать.

Он это понемногу понимает. Передал проведение «графиков» и разнарядок главным специалистам и больше самостоятельности предоставил начальникам цехов. Отряхнувшись от мелочей, имеет возможность заниматься перспективой. Талант организатора в нем недюжинный.

Перемены в УБР и первом руководителе стали возможны потому, что ЦК, вся наша партия открывают производителям материальных благ широчайшие возможности в управлении предприятием, приветствуют коллегиальность, которая в конечном счете приведет к гармонии коммунистического самоуправления. Об этом еще на заре революции говорил Ленин.

— Говорил, — подтвердил я.

Самаркин в каске с царапиной от осколка, как в шлеме астронавта на иной планете, выглядит загадочно.

— Мы с Абзалитдином Гизятулловичем стали мудрее, глубже. Стали мыслить творчески. По моему мнению, творчески мыслишь, лишь когда стремишься к совершенству и в противоречиях постигаешь взаимность — истину. Приведу пример: в Урае, будучи молодым, только со студенческой скамьи, обнаружил вдруг, что я не знаю компрессора, который был обязан знать. Устыдился самого себя и не только досконально изучил КТ-6, но предложил автомат холостого пуска, спасший десятки электродвигателей буровым. Впоследствии старался втянуть в рационализацию как можно больше способных людей, находя в соучастии с ними побудитель вдохновения. В партийной работе тем более.

Лично я верю в рабочий класс! Большим секретарем, возможно, не стану, но свое понимание партийно-

сти руководителя, демократизма и коллегиальности на производстве значительно расширю...

Я посмотрел на берега, на круговую индустриальную панораму, что открывалась отсюда, с середины озера, и невольно представил первый монтаж, тоскующий возглас Альберта на верху буровой: «Где-то есть красивая жизнь?» Как все-таки быстро летит время, семь лет будто один день или вздох. Мы уже не те, что прежде, и время не то — события показывают. А все же дорого давнее — близкое, каждой малостью близкое, незабываемое...

Лето повышенной активности солнца выдалось неустойчивым: то пекучая жара, то заладят дожди — монотонны: сеют и сеют. Зато успехи Петрова и Левина уверенно восходящи.

Словно заряжаясь от них, природа расстаралась золотой осенью, так хорошо знакомой большеземельцам по средней российской полосе. Тепло стало, очень солнечно, прямо как в бабье лето. Паутинки протянулись на проводах и карнизах домов. Сине, вольно. Желтый березняковый окоем за городом манил, ласкал.

По ночам всходила большая полная луна, незамутненно смотрела с небес. И собственная жизнь казалась вечной и в тон луне и солнцу молодой.

В Нижневартовске в это время готовились к чествованию Левина — его бригада готовилась вот-вот пробурить миллионный метр скважин. На одном месторождении за десять с небольшим лет миллион метров — событие даже для Левина, еще никто в стране не достигал такой цифры, ни один из бурмастеров. Готовились к

чествованию основательно, пресса понаехала, представители партийных, хозяйственных органов и родственных предприятий. Наведался поздравить и Григорий Кузьмич. Оживленный, веселый, много он шутил, так, словно поздравляли не Геннадия Михайловича, а его, Петрова.

Собравшиеся на буровой знали об их многолетнем соперничестве и с интересом наблюдали за мастерами. А те поднялись неторопко на буровую, где лебедка, пульт, приблизились к массивной круговине ротора и, склонившись, мелком вывели «1 000 000» — миллион метров.

Постояли молча, отдавая дань памяти тем, кто не дошел до торжества, но оставил свои метры, помог распечатать погреба с нефтью; тем, кто первым ступил в феврале 1968 года на Самотлорские болота. Лишь глухаринные да куропачьи наброды напоминали о живой жизни — затишь, глухомань. Невысокий, полнолицый человек в полушубке с широкими отворотами произнес вещую фразу: «Начали!», и сталь долота вгрызлась в мерзлоту. Был он тогда еще неизвестным, обычным среди множества ему подобных добровольцев, без рекордов и звания Героя, а бригада без истории ее взлетов.

В ту выюжную зиму дали 15 тысяч 648 метров. Но уже в следующую увеличили проходку втрое. И пошло, пошло: Левин, Петров и снова Левин... Мало того, что миллионер, замахнулся Геннадий Михайлович пробурить сто тысяч в год. В начале соревнования с Петровым для двойного состава — семи-восьми вахт на двух буровых — заветными казались 80 тысяч, а теперь при четырехвахтовке близки к ста тысячам. Это следствие боевого девиза: «Меньшим числом брать больше, с наилучшими технико-экономическими показателями». Берут.

Они стояли у станины ротора, зеленоватой от за-

плесков раствора, два ведущих богатыря, испытанных трудностями и славой. Внизу — гости, оркестр, там спешно составляли импровизированную трибуну из двух «Уралов».

На «этаж» буровой поднялся первый секретарь горкома:

— Ну что, Михайлович, по праву именинника...

Геннадий Михайлович согласно кивнул, улыбнулся. Шагнул к лебедке и тронул стальной рычаг — темно-зеленое жало «квадрата» — четырехгранной штанги, на которой удерживается двухкилометровая связка труб с буринструментом. Еще движение руки — и оглушительное «ура» сотрясает воздух.

— Миллион?.. Есть миллион!..

После бурных восторгов, церемоний вручения подарков на трибуну из двух состыкованных «Уралов» поднимается первый секретарь горкома, остальные гости. Слово предоставляют Левину. Он молча оглядывает собравшихся на «пяточке» у подножия стальной махины, сглатывает подступивший к горлу комок. Возможно, вспоминает военное детство в Поволжье, тамошние пробные проходки или переживает заново накал соревнования...

До сих пор многие разгадывают причину их удачливости, неизменного успеха. Какие назвать таинства, сверхсекреты? РА-БО-ТА... РА-БО-ТА... Она всемогущая владичица...

Левин стряхнул оцепенение, принялся рассказывать, как в холодную зиму 68-го легла сплошная белесая дымка и вертолет не смог доставить смену на буровую. Геннадий сам заменил у лебедки усталого бурильщика. Когда наконец приземлился Ми, он, залитый глинистым раствором, с воспаленными глазами, едва держался на ногах. Ему пришлось остаться и на третьи сутки — об-

становка обязывала. Оставался, если требовалось, каждый, и каждый не жалел сил и умения. Не в этом ли — в самоотверженности — причина их удачливости?!

Сделав резкий переход, он сказал:

— О миллионе мы начали мечтать пять лет назад, когда состязались с шаимцами. Добились миллиона. Но разве это значит, что Григорий Кузьмич работает хуже или наше с ним соперничество поостыло? Нет, не значит! Врученный мне символический ключ от невскрытых еще кладовых обязывает нас обоих к боеготовности, к ней нас обязывает и предстоящий XXVI съезд... Мы еще многое можем и должны. Так, Кузьмич?

— Так, — порасправил плечи, приосанился Петров. — Задачи предстоят серьезные, и никак без нас Западной Сибири не обойтись. Посостязаемся с полной выкладкой — до съезда и после.

...На кусту 1002-м памятная доска. На ней крупными буквами вычеканено:

«10 сентября 1980 года
на этом месте бригадой
Героя Социалистического Труда
Г. М. Левина
пробурен миллионный
метр...»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Стремительно летит время! Давно ли, каких-то семь-восемь лет назад, начиналось соревнование Г. К. Петрова с Г. М. Левиным за скоростные проходки на Самотлоре. Они и не предполагали тогда, что приобретет оно союзную известность, вдохновит на добрые починны коллективы нефтяников, строителей, геологов, газодобытчиков.

После XXVI съезда КПСС девизом соревнования стало достижение на промыслах Тюменской области добычи одного миллиона тонн нефти и одного миллиарда кубических метров газа в сутки.

Инициативу сибиряков одобрил Центральный Комитет партии. В принятом по этому вопросу постановлении ЦК КПСС с удовлетворением отметил, что старания тюменцев по достижению ежесуточной добычи одного миллиона тонн нефти в апреле 1984 года и одного миллиарда кубических метров газа в первом квартале 1985 года обеспечат досрочные выполнения заданий по добыче нефти и газа, определенных «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы».

Центральный Комитет расценил инициативу как патристическое стремление по выполнению решений XXVI съезда и рекомендовал ее всем краям и областям, где есть нефтегазодобывающие предприятия.

Геннадия Михайловича Левина недавно выдвинули начальником бурового управления в соседнем с Нижневартовском Сургуте, его бригаду принял выпускник Грозненского нефтяного института Александр Кузьмин.

После окончания института в 1976 году он поработал у Геннадия Михайловича помбуром, бурильщиком, помощником мастера и вот заменил Левина.

Несмотря на значительную — почти в двадцать лет — разницу в возрасте, Александр успешно соревнуется с Григорием Кузьмичом. Взялся пробурить в первом году пятилетки сто тысяч метров. А в связи с постановлением ЦК прибавил к своему счету еще тысячу метров. Уже к июлю выполнил годовой план.

Григорий Кузьмич не остался в долгу, в ответ на добрую оценку Центрального Комитета тоже взял дополнительные обязательства и успешно выполнил их. Это конкретный весомый вклад в соревнование, начало которому в свое время положили коллективы двух выдающихся буровых бригад, отныне ставших школой передовых методов труда, помогающих другим бригадам и целым предприятиям уплотнять свои рабочие графики, достигать, казалось бы, невозможного.

г. Нижневартовск,
июль 1973 г.— август 1981 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕНАПИСАННОЕ ИНТЕРВЬЮ	3
ПЕРВЫЙ МОНТАЖ	4
СВАДЬБА	19
ПОБЕДА — НА ВСЕХ ОДНА	23
«Я ЖИВУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ...»	28
ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ	40
КАНДИДАТСКИЙ СТАЖ	44
ОСЕННИМ ДНЕМ	50
«ТАК ГДЕ ЖЕ «КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ»?»	56
ПОБЕЖДЕННЫХ НЕТ	73
НА ПРЕЖНЕМ МЕСТЕ	78
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	92

Николай Павлович Смирнов

БЫЛО НА САМОТЛОРЕ

Редактор И. В. Черивева

Художник О. С. Теслер

Художественный редактор М. В. Тамрова

Технический редактор Р. Д. Каликштейн

Корректор Т. А. Лебедева

ИБ № 4065

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в наб. 08.09.81. Подп. в печать 25.01.82. А06020. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 4,20. Уч.-изд. л. 3,93. Тираж 30.000 экз. Заказ 362. Цена 15 к. Изд. ннд. ХД-419.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу: 103012,
Москва, пр. Сапунова, д. 13/15.

В. И. ИЗДАТЕЛЬСТВО

0983251060

